

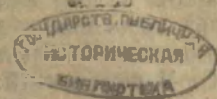
НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1918 г.

г. г.
21 Января.

№ 21—22.

СОДЕРЖАНИЕ.

СВЯЩ. СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. РАЗГРОМЛЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. ДУХОВНЫЙ И МАТЕРІАЛЬНЫЙ ТРУДЪ ВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

МОРИСЬ ДОНЗЕЛЬ. ОТКУДА ПОШЛИ ЛОЗУНГИ?

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ПИСЬМО СО СТОРОНЫ.

А. ПОЙМИНОВЪ. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ПРОФ. М. Н. СОБОЛЕВЪ. АГРАРНАЯ ФАНТАСТИКА БОЛЬШЕВИКОВЪ.

СТРАННИКЪ. НА ДОНУ.

ПРОФ. В. ТОТОМІАНЦЪ. КАКЪ ВЪ НОВОЙ ЗЕЛАНДІИ ПРАКТИЧЕСКИ БЫЛА ПРОВЕДЕНА НАЦІОНАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ.

Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. ПАМЯТИ Ѳ. Ѳ. КОЩКИНА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ТРИ МѢСЯЦА—5 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—50 К. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ
===== НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ. =====

Адресъ конторы:

Москва, Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва, Смоленскій бульв. 8.
Тел. 61-03 и 4 27-29.

РАЗГРОМЛЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

Статья свящ. Сергѣя Соловьева.

Ее били, на нее плевали, ее доканали... Слово «интеллигентъ» было браннымъ словомъ въ устахъ нашихъ «патріотовъ». А теперь брошенъ кличъ: ату ее! Интеллигенцію травятъ сворой борзыхъ, и уже она истекаетъ кровью. Замучены Кокошкинъ и Шингаревъ, а кто будетъ замученъ завтра? И однако жива русская интеллигенція, и намъ хочется повторить слова Мережковскаго: «Живъ Господь; и жива душа наша, да здравствуетъ русская интеллигенція, да здравствуетъ русское освобожденіе!» (Д. С. Мережковскій. Больная Россія, 110). Одинъ только Мережковскій не поддавался общему теченію, одинъ онъ упорно отстаивалъ святыню интеллигенціи, святыню культуры Петра Великаго.

Тщетно стали бы искать теперь какіе-нибудь принципы, какія-нибудь партійныя программы: происходитъ борьба стихии съ государственнымъ разумомъ, картуза—со шляпой. Народъ и интеллигенція стали стѣной другъ противъ друга, забыты старыя разногласія, реакционеры монархическаго строя дружно работаютъ заодно съ социаль-демократами, объявивъ войну мозгу страны—интеллигенціи, а въ ея дрогнувшихъ рядахъ неожиданно оказались рядомъ: какой-нибудь буржуа-милліонщикъ съ городскимъ учителемъ, получающимъ жалованья 50 рублей въ мѣсяцъ, земскій врачъ—со священникомъ. Многочисленная школа византійской и германской культуры, въ которой окрѣпла наша государственность и цивилизація, какъ маска слетѣла съ нашего народа, и дикій скиоу справляетъ свои кровавыя оргіи. Этого надо было ожидать. Это неизбежный тупикъ, въ который зашла наша исторія.

Большая путаница происходитъ оттого, что понятіе закона сближается съ понятіемъ деспотизма, а понятіе свободы съ понятіемъ анархіи. На дѣлѣ анархія и деспотизмъ—родные братья, какъ родные братья—свобода и законъ. Только черезъ законъ осуществляется свобода и черезъ анархію прокладываетъ себѣ путь деспотизмъ. Анархія и деспотизмъ—Востокъ, Азія; свобода и законъ—Западъ, Европа. Впервые реформація, исказивъ мысли ап. Павла и Августина, выступила съ отрицаніемъ закона въ области религи. Реформація повергла Европу въ анархію, а изъ анархії выросъ деспотизмъ новаго имперіалистическаго государства. Но христіанская школа Среднихъ Вѣковъ наложила неизгладимые слѣды на психологию западнаго европейца. Мы не имѣли этой школы. Мы въ церкви ощущали себя рабами, выйдя изъ церкви, стали бунтующими рабами, но ясно показали, что далеко намъ до идеи свободы, что сынъ рабыни Измаилъ не наследуетъ жребія сына свободной госпожи Сарры.

Безумно было отъ поверхностнаго рационализма русской интеллигенціи искать спасенія въ первобытной, варварской стихіи народа. Народъ—материаль, плохой или хорошей; онъ принимаетъ ту форму, которая дается ему сверху: тѣ прекрасныя черты терпѣнія, милосердія, которыя подмѣтили въ народѣ

наши писатели, даны ему были старой, церковной культурой. Но эта культура была слишкомъ византійской, слишкомъ восточной, слишкомъ родственной буддизму.

Религиозность развила въ народѣ великія добродѣтели терпѣнія и милосердія, но не дала ему *святой активности*, способности къ положительному творчеству, къ общественному строительству. Потерявъ свои восточныя добродѣтели, народъ оказался дикъ и беспомощенъ, онъ сталъ нетерпѣливъ и жестокъ, но не приобрѣлъ новыхъ, положительныхъ качествъ, изъ раба покорнаго онъ сталъ бунтующимъ рабомъ, завистникомъ и отмстителемъ. Подучаемый темными людьми, онъ обратилъ месть на своихъ друзей и защитниковъ: врагами народа объявлены были Милюковъ, Кокошкинъ, Шингаревъ, ихъ имена были внесены въ проскрипціонные списки. Русскій народъ, этотъ «святой народъ», этотъ Мессія, «новый Израиль» славянофиловъ—потерянъ для церкви. Онъ превратился въ дикую орду язычниковъ. Надо начинать было его христіанизацию съ начала, съ той поры, когда воевода Владиміровъ Добрыня «крестилъ новгородцевъ огнемъ и мечомъ». Но церковь, отвергнутая народомъ, нашла себѣ друзей въ интеллигенціи. Понятно почему. Счастливому не нуженъ Христосъ, Христосъ пришелъ къ нищимъ и плачущимъ. Пока народъ былъ нищимъ и плачущимъ, церковь была съ народомъ, теперь церковь раскрыла свои объятія разгромленной, оплеванной интеллигенціи. На панихидахъ по Кокошкинѣ и Шингаревѣ чувствовалось новое, могучее объединеніе русской интеллигенціи, объединеніе у дорогихъ, святыхъ могилъ друзей народа. Интеллигенція, которой прежде не нуженъ былъ храмъ, теперь пришла въ покинутые народомъ храмы. Обращеніе интеллигенціи ко Христу съ избыткомъ искупило ужасы этихъ лѣтъ. Старая эра полусознательной, бытовой религиозности безвозвратно прошла для Россіи. Новая русская церковь будетъ сознательной церковью, и уже оттуда, съ высотъ интеллигентной мысли, брошены будутъ новыя сѣмена христіанства на языческую ниву народа.

Только истинное, полное христіанство положить конецъ тому двоевѣрью, которое раскололо Россію на двѣ части: безсознательный, религиозный народъ и сознательную, атеистическую интеллигенцію. Теперь интеллигенція видитъ свою близорукость, видитъ, что она ошиблась въ своихъ расчетахъ, видитъ, что жизнь строится не на однихъ выкладкахъ разума и точной науки, а на таинственныхъ законахъ Providentia.

Несокрушимость Германіи, противъ которой вооружился весь міръ, наглядно показываетъ намъ, что никакіе снаряды, деньги, миліоны солдатъ не могутъ сокрушить народъ, воспитанный на началахъ единства и вѣрности. Гибель Россіи, начавшаяся при царскомъ деспотизмѣ и довершившаяся при революціонной анархіи, научитъ насъ уважать свободу и законъ. Смерть самыхъ чистыхъ, благородныхъ общественныхъ

дѣятели отъ руки темныхъ убійцъ напомнить намъ о таинственномъ законѣ искупленія, которому такъ противится гордыня разума. Поистинѣ ужасное, небывалое время переживаемъ мы, но невольно вспоминаются слова Тютчева:

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ

Въ его минуты роковыя.

Нравственная солидарность, сплотившая теперь русскую интеллигенцію, поможетъ намъ оправиться отъ нашего крушенія, отъ нашего всесвѣтнаго скандала. Оборванная, голодная интеллигенція, вожди которой значатся въ проскрипціонныхъ спискахъ, составленныхъ нашими провинціальными Суллами и Робеспьерами, не утратитъ чувства собственного достоинства и будетъ вѣрна своимъ завѣтамъ. Хотя мы знаемъ, что большевики строятъ наше будущее матеріальное благополучіе, приготовляя торжество буржуазіи и реакціи, мы не протянемъ имъ руку. Мы—дворяне, интеллигенты, «буржуи»—мы горды одной заслугой дворянства: его народолюбіемъ, его безкорыстіемъ, готовностью на жертвы. Это безкорыстіе было доказано въ декабрѣ 1825 года, оно было доказано въ февралѣ 1861 года, оно вновь доказано 6 января 1918 года. Исторія справедлива, и она знаетъ, кого заклеймить титуломъ враговъ народа. Она привязываетъ къ позорному столбу кожевника Клеона и аристократа Суллу, но она вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ мученика за народный хлѣбъ—«буржуя» Кая Гракха.

День убійства Кокошкина и Шингарева былъ сигналомъ террора. Но въ Москвѣ, кишасей наемными убійцами, на красномъ отъ крови снѣгу, интеллигенція безмолвно и строго сомкнула свои ряды, и тысячи людей потянулись въ Каодральный храмъ—почтить память дорогихъ мучениковъ народной свободы. И невольно являлась надежда, что «разгромленная» интеллигенція готова стать «прозрѣвающей» интеллигенціей. Пройдя сквозь очистительный огонь страданія, русская интеллигенція станетъ болѣе вдумчивой, сознаетъ свои историческіе грѣхи передъ народомъ, сознаетъ неполноту своего материалистическаго мировоззрѣнія. Передъ нею неизбежно встанутъ вопросы: почему изъ порыва свободы выросъ новый, неслыханный деспотизмъ, кулачное право, почему, когда убито было тѣло Распутина, его торжествующій духъ, духъ мужичонки-хлыста окончательно овладѣлъ Россіей? Отчего бунтъ и анархія привели Россію къ рабству, а дисциплина и лояльность европейскихъ народовъ вѣрнымъ, хотя и медленнымъ, путемъ ведетъ ихъ къ свободѣ? Отъ углубленія въ эти вопросы, отъ разрѣшенія ихъ въ духѣ Христовомъ,—зависитъ многое, ибо лгутъ тѣ, кто подчиняетъ жребій народовъ однимъ разсчетомъ торгаша и банкира. Народы водимы правосудіемъ Божиимъ, и горе тому народу, на который изольется «фіаль ярости Господней».

Священникъ Сергій Соловьевъ.

ДУХОВНЫЙ И МАТЕРІАЛЬНЫЙ ТРУДЪ ВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Памяти Федора Федоровича Кокошкина.

«Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны... Первымъ долгомъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей... Рабы должны быть равны: безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ пи-галевщина... Горы сравнять—хорошая мысль... Не надо образованія, довольно науки... Жажда образованія есть уже жажда аристократическая».

Достоевскій «Бѣсъ».

I.

Въ социальныхъ послѣдствіяхъ русской революціи есть очень много парадоксальнаго и неожиданнаго. Совсѣмъ не тамъ нужно искать основного конфликта этой революціи, гдѣ его обычно ищутъ. И не та социальная группа падаетъ ея жертвой, которой полагается падать по популярной классовой теоріи революціи. Социальной, а глубже и духовной сущности русской революціи нужно искать не въ столкновеніи классовъ трудящихся съ классами имущими, не въ борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей, а прежде всего въ столкновеніи жизненныхъ интересовъ и въ противоположности жизнеощущеній представителей труда матеріальнаго и труда духовнаго. Это очень глу-

бокій конфликтъ труда количественнаго съ трудомъ качественнымъ, это—трагическое для судьбы Россіи столкновеніе «народа» съ «культурой». Народъ возсталъ противъ дѣла Петра и Пушкина. Причины такого характера нашей несчастной революціи заложены очень глубоко въ прошломъ. По сравненію съ этой основной противоположностью, обнаружившейся въ стихіи русской революціи, совершенно меркнуть всѣ остальные противоположности, которыми такъ занято привычное мышленіе. Конечно, въ русской революціи происходитъ столкновеніе и борьба «соціалистическихъ» интересовъ трудящихся массъ съ «буржуазными» интересами классовъ имущихъ; конечно, обнаруживается въ ней борьба типа мышленія «соціалистическаго» съ типомъ мышленія «буржуазнаго». Но для нашей своеобразной по своей социальной и культурной обстановкѣ революціи, во многомъ отличной отъ революцій европейскихъ, духовно показательны и существенны не эти столкновенія и не эта борьба. Своеобразная трагедія русской революціи—въ разверженіи зияющей бездны, раздѣляющей и противопологающей міръ труда духовнаго, умственнаго, творческаго, міръ создателей цѣнностей культуры и благъ государства и міра труда матеріальнаго, безкачественнаго, міра варварски враждебнаго всякой культурѣ и всякому государству. Въ Россіи столкнулось варварство и культура, огромное по объему варварство съ очень небольшой по объему культурой. Революція не пробудила въ народѣ жажды свѣта, движенія

вверхъ. Наоборотъ, темная стихія народная тянетъ верхи культурныя внизъ, требуетъ пониженія ихъ качественного уровня. Трудъ матеріальный заявляетъ исключительное притязаніе господствовать надъ трудомъ духовнымъ. Вся умственная и духовная работа многихъ поколѣній, быковывавшихъ всѣ цѣнности и блага цивилизованнаго существованія, объявляется «буржуазной» и ненужной.

Настоящаго рабочаго движенія, дѣлающаго созидательныя усилія преодолѣть злыя створы буржуазно-капиталистическаго строя, въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ Россія страна промышленно отсталая, пролетаріатъ нашъ сравнительно малочисленъ, недостаточно организованъ и недостаточно развитъ. У насъ нѣтъ еще ни экономическихъ, ни морально-психологическихъ предпосылокъ рабочаго социализма, направленнаго на организацію труда, на организацію производства, менѣе анархическую, чѣмъ въ индивидуально-капиталистическомъ хозяйствѣ. Русскій «социализмъ» есть лишь западно-европейское наименованіе для русской отсталости и русскаго бунтарства. Въ Россіи, странѣ по преимуществу мужицкой, культурно отсталой и недисциплинированной, въ тотъ историческій часъ, когда съ народной стихіи спали всѣ внѣшнія сдержки и оковы и распялись внутреннія духовныя скръпи и связи, столкнулись прежде всего міръ умственного, образовательнаго, духовнаго ценза съ міромъ количественной массы, не обладающей такого рода цензомъ. Это—столкновение болѣе глубокое, чѣмъ столкновение міра цензаго и міра трудового въ матеріальномъ смыслѣ этого слова. Конфликтъ количественнаго начала съ качественнымъ началомъ, въ которомъ жертвой падаетъ начало качественное,—вотъ что оказалось рсксьмъ въ русской революціи. Остріе русской революціи оказалось убійственно направленнымъ противъ культуры и ея служителей. Массы жаждутъ раздѣла, но не хотятъ подниматься къ болѣе высокой жизни, всегда основанной на творческомъ трудѣ. Революція оказалась не прогрессивной и не творческой, а реакціонной, дающей явное преобладаніе элементамъ тьмы надъ элементами свѣта. Возстаніе міра «социалистическаго» противъ міра «буржуазнаго» въ русской революціи совѣмъ не означаетъ борьбу организующаго труда противъ исключительнаго господства капитала, противъ власти имущихъ. Это—моментъ второстепенный. Солдатская масса, дѣлающая революцію, неспособна къ положительной организаціи труда, она дезорганизуеъ трудъ и создаетъ царство лѣни и бездѣлья. Существенно и характерно въ русской революціи возстаніе необразованныхъ противъ образованныхъ, некультурныхъ противъ культурныхъ, невѣжественныхъ противъ знающихъ, количественнаго, матеріальнаго труда противъ труда же, но качественного, духовнаго. И характерно, что психологія возставшихъ не трудовая, а потребительская психологія. Воля возставшихъ массъ направлена не на организацію труда, не на регуляцію социального цѣлаго, а на захваты и потребление. Это—менѣе всего психологія производителей. Производство не интересуетъ революціонныя массы. Это только наглядно показываетъ, насколько подлинный трудъ имѣетъ духовную основу и предполагаетъ нравственную самодисциплину трудящихся. Материалистическое отношеніе къ труду ведетъ къ разложенію труда и на этой нездоровой почвѣ можетъ разцвѣсти лишь лѣнь и бездѣлье.

II.

Матеріальный трудъ, оторванный отъ всякой духовной основы, не можетъ защитить себя. Защитить себя можетъ лишь организованный производительный трудъ, всегда предполагающій нравственную самодисциплину. Такой силы организованаго и самодисциплинированнаго труда въ русской революціи не обнаружилось, она не подготовлена всей прошедшей нашей исторіей. Вотъ почему трудящаяся масса сейчасъ разрушаетъ производства, истребляетъ промышленность и сельское хозяйство, отрицаютъ самый трудъ. Нужно всегда помнить, что производительная инициатива принадлежитъ труду духовному, что ему принадлежитъ руководство въ хозяйственной жизни страны. Рушатся экономическія основы духовно-культурной жизни въ Россіи, потому что разложились духовныя основы экономической жизни, нравственная и религіозная дисциплина трудящейся личности. Невозможно отрицать правъ матеріальнаго труда на организованное улучшеніе своего положенія и увеличеніе своего общественнаго вѣса. Трудъ имѣетъ свои священныя права и онъ не долженъ находиться въ исключительной и неограниченной власти капитала. Отношенія труда и капитала не могутъ быть регулированы индивидуально, предоставлены исключительной власти личной конкуренціи,—они подлежатъ государственной и общественной регуляціи. Это можно признать достояніемъ современнаго сознанія. Но права труда не могутъ быть поняты, какъ права количества противъ качества. Начало качества представляется не капиталомъ, а квалифицированнымъ трудомъ. Капиталъ же даетъ возможность квалифицированному труду осуществлять свои производительныя и творческія замыслы. Высшее право принадлежитъ качественному труду, самое же высшее право принадлежитъ творчеству. Въ мірѣ чловѣческаго труда есть своя іерархія, свои восходящія и нисходящія ступени. И трудъ можетъ быть организованъ лишь іерархически, а не механически. Это превосходно понимали такіе люди, какъ Рескинъ, который стоитъ многими головами выше социалистовъ, провозглашающихъ идеологию безкачественнаго, всеуравнивающаго труда. Рескинъ вѣренъ благородной платоновской традиціи. Раздѣленіе труда есть законъ космической жизни. Сверженіе іерархія труда, въ которой высшее качество получаетъ соотвѣтствующее ему мѣсто, есть реакціонный бунтъ, отбрасывающій назадъ, понижающій уровень культуры, истребляющій всѣ цѣнности. Такой реакціонный бунтъ, разрушающій іерархія труда и іерархія цѣнностей, и происходитъ сейчасъ въ Россіи.

Русское революціонно-социалистическое движеніе не организуетъ, а дезорганизуеъ производство, оно въ сущности враждебно труду. Русская «революціонная демократія» подъ «буржуазіей», которую она хотѣла бы истребить, понимаетъ не классъ капиталистовъ, не промышленниковъ и торговцевъ, не обладающихъ имущественнымъ цензомъ, а весь образованный, культурный міръ, всѣхъ обладающихъ умственнымъ цензомъ. Къ «образованнымъ» злобная вражда еще сильнѣе, чѣмъ къ «имущимъ». Это очень характерно. Социалистическая идеологія всегда грѣшила тѣмъ, что она являлась идеологіей безкачественнаго матеріальнаго труда, что она отрицаетъ въ трудѣ начало іерархическое, что она не даетъ соотвѣтствующаго

мѣста качеству, способности, образованию и призванію, что она механически уравниваетъ трудящихся и исключаетъ возможность подбора лучшихъ и ихъ преобладанія въ общественной жизни. Матеріалистическій социализмъ, взятый въ чистомъ и отвлеченномъ видѣ, роковымъ образомъ ведетъ къ подбору худшихъ и къ ихъ преобладанію, онъ долженъ кончиться охлократіей. Если и западный социализмъ, болѣе культурный, грѣшитъ невниманіемъ къ значенію квалифицированнаго, духовнаго труда, то социализмъ русскій, обнаружившій совершенно варварскую природу, готовъ громить представителей этого высшаго труда. Горы сравнять съ долинами—вотъ паѳосъ русскаго социализма. Это и есть «шигалевщина», гениально раскрытая Достоевскимъ въ «Бѣсахъ». Это и есть «махаевщина», которая лѣтъ пятнадцать тому назадъ предугадала результаты русской революціи и дала предѣльное выраженіе русскому социализму. Этимъ русскимъ социализмомъ движетъ ненависть ко всякому возвышенію, ко всякому духовному преобладанію. Третированіе умственнаго труда, связаннаго съ образованіемъ и дарованіемъ, какъ привилегію, которая должна быть свергнута, есть духовное паденіе и нравственное безобразіе. Можно и должно бороться за повышеніе умственнаго, образовательнаго, культурнаго уровня рабочихъ и крестьянъ, трудящихся классовъ, и ужасно, что для этого такъ мало дѣлалось и дѣлается. Но недопустимо и, въ глубочайшемъ смыслѣ слова реакціонно, во имя демократизаціи и уравненія понижать духовный уровень культурнаго слоя, жертвовать качествомъ во имя количества. Трудящійся народъ долженъ облагораживаться и аристокрагизироваться—вотъ единственная желанная и допустимая форма демократизаціи. Поскольку въ социалистическомъ рабочемъ государствѣ предполагается пониженіе уровня образования и принудительное культурное и духовное уравненіе, оно является совершенно реакціоннымъ и мракобѣснымъ идеаломъ, оно будетъ угашеніемъ и порабощеніемъ человѣческаго духа.

III.

Русская революція одержима страстью къ уравненію, она движется черной завистью ко всякому возвышенію, всякому качественному преобладанію, къ болѣе высокому духовному уровню. Потерявшій вѣру и погружившійся во тьму народъ не хочетъ получать свѣта отъ болѣе просвѣщенныхъ, онъ злобно отвергаетъ всякую попытку просвѣтить его. Ничто у насъ не можетъ идти сверху внизъ. «Народъ» вообразилъ, что онъ самъ все можетъ, все знаетъ, что отнынѣ все отъ него самого идетъ. «Народъ» въ разливѣ и торжествѣ большевизма прежде всего возсталъ противъ «интеллигенціи» и въ этомъ есть справедливое возмездіе за тотъ нигилистическій ядъ, которымъ «интеллигенція» отравила «народъ». Но въ этомъ есть также страшная иллюзія и самообманъ. Въ дѣйствительности «народъ» является орудіемъ въ рукахъ кучки демагоговъ, онъ остается въ состояніи рабскомъ, такъ какъ не имѣетъ освобождающаго свѣта. Жертвой же народной злобы, раздуваемой демагогами для властвованія надъ «народомъ», падаетъ прежде всего наиболѣе культурный слой нашей интеллигенціи, наименѣе повинный въ распространении нигилистическаго яда. Всякій «образованный» вызываетъ враждебное къ себѣ отношеніе на улицахъ, въ вагонахъ, повсюду,

гдѣ скопляется количественная масса. Простой народъ въ темнотѣ своей всегда относился подозрительно и враждебно къ интеллигенціи, къ образованнымъ, къ людямъ культуры. Вспомнимъ хотя бы отношеніе къ врачамъ во время холерныхъ эпидемій. Этотъ темный погромный инстинктъ нынѣ получилъ санкцію въ русскомъ социалистическомъ царствѣ. Народъ изгоняетъ за ненадобностью всю земскую интеллигенцію, весь «третій элементъ». Въ сущности одна интеллигенція, преимущественно наѣхавшая изъ-за границы, наиболѣе чуждая народу, но самая демагогическая по своимъ приемамъ, изгоняетъ другую интеллигенцію, болѣе дѣловую, ближе стоящую къ народной жизни и не прибѣгающую къ безсовѣстной демагогіи. Народъ, оставшійся въ той же тьмѣ, въ какой былъ и раньше, но принявшій совершенно внѣшнюю социалистическую окраску, отвергаетъ трудъ умственный, трудъ связанный съ качествами образованія, дарованія, спеціальнаго призванія. «Социалистическому» народу оказалось совершенно не нужны ученые, писатели, юристы, учителя, инженеры, агрономы и т. п. Слесарь или швейцаръ уравнивается съ образованнымъ спеціалистомъ, съ человѣкомъ опыта, знанія и дарованія. Вся іерархія умственнаго труда отъ высшихъ представителей духовнаго творчества до самыхъ скромныхъ представителей трудовой интеллигенціи, въ родѣ народныхъ учителей, отвергается съ злобнымъ чувствомъ. Это кончается преобладаніемъ бывшихъ уголовныхъ и шпионовъ.

Уже война породила цѣлый рядъ экономически парадоксальныхъ послѣдствій. Оплата матеріальнаго труда очень повысилась, безъ всякаго соответствія съ ростомъ производительности труда. Простой рабочий началъ зарабатывать значительно больше, чѣмъ представитель квалифицированнаго интеллигентнаго труда. Ученый могъ попасть въ худшее положеніе, чѣмъ чернорабочій. Масса трудовой интеллигенціи при непомерной дороговизнѣ жизни обрекалась на полуголодное существованіе. Благосостояніе же крестьянъ очень возросло, они были болѣе обезпечены хлѣбомъ и сдѣлали большія денежныя сбереженія. Крестьяне стремятся къ буржуазному стяжанію и ихъ социализмъ есть лишь внѣшнее прикрытіе. Революція дала санкцію экономическому парадоксу, въ силу котораго трудъ матеріальный получилъ такія преимущества передъ трудомъ умственнымъ, духовнымъ. На вершинѣ своего развитія, при большевистской власти революція обрекаетъ почти что на голодную смерть и на гибель всю трудовую интеллигенцію, весь неимущій культурный слой нашъ. Вотъ социальный результатъ революціи, вотъ какая социальная группа прежде всего падаетъ жертвой нашей «социалистической» революціи. Настоящая цензовая буржуазія, хотя и переживаетъ большія потрясенія, все же имѣетъ возможность существовать и въ концѣ концовъ сохранить свои капиталы. Тяжелые удары наносятся русской промышленности, которая является однимъ изъ базисовъ существованія всего русскаго народа и прежде всего самихъ рабочихъ, но сами представители промышленнаго класса могутъ пережить это время, у нихъ есть средства къ жизни. Интеллигенція же можетъ погибнуть въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Я говорю не о той интеллигенціи, которая безстыдно эксплуатируетъ революціонную стихію въ свою пользу и на этомъ наживается, я говорю объ интеллигенціи, которая создаетъ и поддерживаетъ русскую

культуру. Происходит подбор худших и извержение лучших людей. Грозит опасность гибели нашего культурного слоя. Уничтожаются все материальные основы для делания и творчества русской культуры. После оргии предстоит тяжелое отрезвление. Всему народу русскому грозит бедственное существование. Лишь одухотворение представителей материального труда может возстановить значение

труда духовного. Без духовного оздоровления невозможно и экономическое развитие нации. Нынче же обездушенная русская революция совершает реакционное и мракобесное злодеяние. Против этой «шигалевщины» должны возстать все духовные силы России.

Николай Бердяев.

ОТКУДА ПОШЛИ ЛОЗУНГИ?

Статья Мориса Донзеля.

Партия так называемых большевиков, воспользовавшись оружием, находящимся в руках невежественной толпы, успела завладеть Зимним дворцом (с погребом) и московским Кремлем. В этих завоеваниях «народ» усматривает залог своей окончательной победы над «капиталом». «Народ», это—большое, очень наивное, конечно и страшное дитя, именно *enfant terrible*. «Народ» постигает смысл событий через символы; он осязает даже собственную силу только благодаря символам. Разрушение какой-нибудь Бастилии всегда будет знаменовать, в глазах каменщика или слесаря, разрушение какой-то другой преграды высшего порядка. Вторжение толпы в какой-нибудь Тюилерийский дворец как будто открывает перед деревенским тружеником и перед жителем предместия перспективу, простирающуюся далеко, в невѣдомый райский край счастья.

Должны ли мы смущаться этим «народным подвигом»? Конечно да! Братская кровь пролита. Нам приходится теперь собирать материальные осколки памятников, в которых сам народ, *весь русский народ*, вѣками выявлял могучую красоту своего единого духа, своего общего мирозерцания. Не оплакивать безвременно погибших в обоих лагерях живые силы, не сочувствовать горю осиротевших и обездоленных, не жалеть о пропавшем народном достоянии мы, разумѣется,—неспособны.

В то же время, как толкователи истории, как люди, властвующие представлением о действительных условиях жизни народов, мы не поддадимся обману воображаемой победы. Мы не станем и недооценивать непредвиденные результаты разыгравшейся трагедии. Этот второй обман был бы для нас и для страны значительно опаснее первого.

Итак, мы не будем закрывать глаза, проходя мимо дымящихся еще развалин, мимо народного грѣха. Но мы и не посмѣем бросить камень в эту толпу темных людей, развращенных страданіем и жаждой призрачного счастья. Мы, наоборот, больше чѣм когда-либо, признаем нашим их дѣло; мы намѣрены искать вмѣстѣ с ними царства любви. Мы предоставляем им свое знание, свои силы. Мы остаемся искренними, честными сотрудниками в общем дѣлѣ. Поэтому именно мы не хотим льстить никому ради такой цѣли, чтобы снискать расположение к себе; подобный прием мы предоставляем демагогам.

А главной нашей цѣлью остается спасение родины.

* * *

Скромная идеология народа выражается самопроизвольно в символах. В этом, собственно, нѣтъ ничего дурного. Но когда народу навязываются цѣли, чуждые его духу, непонятные его уму, то вожди выдумывают для собственного удобства так называемые (нѣмецким словом) «лозунги». А в «лозунгах» источник огромного зла. От них, во всяком случае, несмотря на их наружную красоту, нѣтъ никакого положительного блага.

Эту свою основную мысль я хотѣлъ бы объяснить в настоящем очеркѣ.

* * *

Мы—свидѣтели и соучастники длительной переработки политических и общественных устоев. Эта переработка проходит под знаком пересмотра вообще всех цѣнностей. Несомнѣнно, то, что теперь случается, есть только эпизод катаклизма, начало которого нам приблизительно извѣстно, но конца которого нельзя еще совершенно предвидѣть; и потому подвести итоги, судить о результатах—преждевременно. Историки, в вѣроятности очень далекоком будущем, назовут наше время—эрой революцій. Они скажут, что эра эта начинается, по существу, в XVIII или, вѣрнѣе, в XVI вѣкѣ. Так что Революция, мировая Революция имѣет давность, всего на-всего, трех-четыре столѣтій. В человеческой эволюции это—то же, что три-четыре дня в одной индивидуальной жизни, вѣроятно и меньше. Революция еще совсем молода.

Между тѣм,—не предрѣшая приговора далекого потомства,—надѣясь, впрочем, по многим признакам, на то, что этот приговор будет вынесен рѣшительно в нашу пользу,—мы могли бы подвести уже кое-какіе *частичные итоги*. Опытном до сих пор пережитом мы помогли бы себѣ и ближайшим поколениям перенести тягость своего духовного и материального недуга. И, может быть, таким сознательным отношеніем к совершающемуся, мы могли бы ускорить разрѣшение болѣзненного процесса. Не есть ли это, на самом дѣлѣ, наша обязанность перед собою, перед потомством? Разумѣется, да, и это дѣло, прежде всего и послѣ всего, находится в руках интеллигенции.

Какіе же это будут *частичные итоги*?

Я предлагаю выдѣлить, из совокупности причин, играющих роль в современной эволюции-революции, несомнѣнные причины непосредственного, чрезмернаго зла и, поскольку это—в наших силах,

обрушиться на них. Этим мы не остановим революцию, мы не совершим контр-революции. Мы, наоборот, поможем революционному делу и, повторяю, можем ускорить его окончательное прекрасное торжество.

Эра революций, Революции, очень резко отличается от всех предыдущих времен. Я осмеливаюсь сказать, что до этой эры не было никогда настоящих революций.

Отличительной чертой нашего времени оказывается—огромное влияние отвлеченной мысли, а priori'ных соображений, теоретических построений на общий ход политической и общественной жизни, на экономическую обстановку, и главное, на мнения и настроения народов.

В предыдущих главах человеческой истории, ни в античности, ни даже в средневековом мире, никогда отвлеченная идея, никогда—а priori'ныя теории не претендовали на ту руководящую роль, на то первенство, которые народы признают теперь за ними. В основе мирозерцания всех предыдущих эпох мы находим чувство по преимуществу религиозное. Что над этим чувством появляется всегда некоторая, часто очень пышная и широкая идеологическая надстройка, не должно нас обманывать, не должно нам мешать видеть фундамент древней цивилизации. Эта цивилизация не знала потому именно и революций; она видела борьбу богов и разрушение старых храмов ради построения новых; она страдала в своем чувстве и в своем теле; но никогда она не являла миру такого развращающего зрелища, как борьба до крови отвлеченных понятий, независимо от народного чувства возникших, как борьба разума против разума, доведенная до степени религиозного фанатизма.

Злой дух революции есть—рационализм; орудие его есть—независимая от реальной жизни логика; цель ее—осуществление, во что бы то ни стало, кабинетных теорий. Очень неосновательно мы осмиваем идеализм (сорбоннизм) средних веков. Этот идеализм стремился служить оправданием жизни. Революционный рационализм опаснее самых губительных аскетических доктрин; ибо он выразился, прежде всего, в отрицании жизни, и дальше этого пока не пошел.

Цемент, связавший так крепко элементы древних малых и великих народностей, Греции и Рима например (как наиболее развитых в политическом отношении) есть религия-патриотизм, т.е. чувство, или, лучше сказать, инстинкт семьи, стада, и привязанность стада к земле, к вечным лугам, где паслись отцы и наделяются пастись еще дети. И характерно то, что это стадо граждан, подчиняясь своим пастырям, вкушало плоды гражданской свободы и оберегало свой сад, в силу бессознательного инстинкта, раньше появления и развития всяких теорий, всяких лозунгов «о свободе». Нельзя, конечно, верить возвышенно-патетическим рассуждениям, приписываемым, в виде речей, древнейшим защитникам гражданской свободы и отечественных ценностей позднейшими историками. Вся эта прекрасная риторика есть, наоборот, создание упадочных времен: рассуждения о патриотизме появились в эпохи ослабления национального чувства, лозунги о свободе собирали вокруг себя опечаленных гибелью свободы бессильных мечтателей. Эта

риторика ничего не создала и ничего не спасла. Если бы она появилась раньше времени, когда она была ненужна, потому что действительность не требовала такого подспорья, она встретила бы отзвук в сердцах разве только рабов, как на самом деле это и случалось.

(Отвлеченное понятие о свободе, желание отвлеченной свободы не есть свобода, потому что все отвлеченности могут подвергаться критике, между тем как настоящая свобода есть факт вне теорий и выше критики).

Когда на смену потерявшимся древним ценностям христианство создало условия, необходимые для обновления человеческого мирозерцания и цивилизации, оно проложило себе дорогу вовсе не через рациональное учение, оно не прибегало ни к каким умствованиям. Оно обращалось непосредственно к некоторому еще глубоко бессознательному чувству, жившему в людях, главным образом в тех людях, для которых понятия об отечестве и о свободе никогда не представляли ничего реального или сохраняли силу только прекрасных воспоминаний. Эти люди давно испытывали необходимость объединиться в одном общем стремлении, возродить на новых началах развалившиеся царства, восстановить связь между землей и небом. Человеческий мир чувствовал себя слабым: христианство извлекло из этой слабости громадную силу, оно извлекло пользу из тяготения немощного к немощному, оно вызвало вспышку любви, любви к Богу и через него любви к ближнему. Это не была революция, но правильное развитие человеческого общественного инстинкта, вполне осмысленная,—независимо от политических и этических теорий и от «лозунгов»,—эволюция. По отношению к так называемым «лозунгам», к словам, к писанным заранее законам, одним словом к буквам, христианство питало отвращение, которым исполнены страницы Нового Завета. Один дух живителен, одна любовь—спасительна, т.е. каждый человек имеет в себе все то, что нужно, чтобы жить в мире с людьми.

И только, опять-таки с наступлением упадка в христианских настроениях, в связи с каким-нибудь местным разложением, появляются отвлеченные толкователи христианских начал. Философствованием, критикой и риторической дробовью они наделяются спасти любовь. Но кто спасет любовь там, где она сама себя не спасет? Разъяснения и системы в христианстве не только ничего не спасли, но углубили зло до невероятных размеров. Ненависть заменила любовь. Настоящее христианство продолжает жалкую жизнь, оно есть уже достояние немногих избранных. Но свет его был так силен, что он до сих пор окрашивает, из-под горизонта вершины нашего мрачного мира, и не безумством будет предположить, что это солнце может еще возвратиться.

В истории средних веков мы убеждаемся еще в том, что вся политическая жизнь, как и частные отношения, основывались на правь сильного; и никто не станет утверждать, что право это—отвлеченное понятие.

Я не думаю, чтобы кто-нибудь теперь считал возможным противопоставить этим неопровержимым положениям пример древних законодателей и влияния государственных идеологов, как это делали бы

несомненно наивные мечтатели-зачинщики первой французской революции. Роль Солоновъ и Ликурговъ сводилась къ тому, чтобы внешне оформить уже существующие строи выработкой деталей и сознательнымъ утверждѣнемъ нѣкоторыхъ общепризнанныхъ принциповъ. Нѣтъ также нужды говорить о великихъ теоретикахъ общественной жизни, въ родѣ Платона или Аристотеля, творения которыхъ, такъ сказать безкорыстныхъ, именно платоническія, подвергали критикѣ установленный порядокъ, опредѣляли въ философскомъ созерцаніи смыслъ этого порядка, или разрѣшали по-своему задачу законодателя независимо отъ всякихъ дѣйствительныхъ условий. Эти картины лучшаго человѣческаго быта разсматривались какъ предметы любительскаго музея и врядъ ли могли бы служить, наподобіе нашихъ программъ и прокламацій, для уличной пропаганды.

Что касается остальныхъ политическихъ теоретиковъ, вплоть до революционныхъ временъ, то, за рѣдкими исключениями, вся ихъ мудрость была практическаго свойства. Авторитетный источникъ права имъ казался достаточно выясненной истиной, чтобы никогда не поднимать вопроса о томъ, на какомъ основаніи можно править народомъ; они ограничивались споромъ о томъ, въ чьихъ рукахъ долженъ быть сосредоточенъ авторитетъ. Еще менѣе приемлемымъ былъ бы для нихъ споръ о правахъ народа, въ противовѣсъ правамъ законнаго авторитета. Ихъ интересовало только знать, какъ править; ихъ исканія сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ области рецептовъ для успѣшнаго управления. Таковы были задачи Маккиавелли, такіе были еще простые опредѣленные взгляды государева наставника Боссюэ.

То, что въ эти времена кажется революціей, мы называемъ бунтомъ, смутой, личной или групповой борьбой за власть. Эта борьба не выходитъ изъ предѣловъ реальныхъ и ближайшихъ интересовъ. Она свободна отъ того, что мы назовемъ мистическимъ рационализмомъ.

* * *

Во главѣ Революціи будетъ не князь, не кондотьеръ, не народный трибунъ, но отвлеченный Принципъ. Новый вождь—не одноликий: онъ смотритъ въ разныя стороны, онъ обращается ко всѣмъ людямъ и мѣняетъ свой языкъ, какъ этого требуютъ разные народы и различныя обстоятельства; онъ—философъ, онъ богословъ и моралистъ, политикъ и социологъ, и эстетъ даже. Какъ будто бы онъ оправдываетъ себя во всѣхъ положеніяхъ, онъ вездѣ легко примѣняется къ жизни. Онъ вызываетъ симпатію мудрецовъ и возбуждаетъ дикій восторгъ въ толпѣ.

Время еще не наступило, когда всѣ убѣдятся въ томъ, что этотъ общій, удобный, внешне-плодотворный Принципъ, на самомъ дѣлѣ—очень ненадежный; что вовсе онъ не поддается жизни, но ломаетъ и разрушаетъ ее до основанія; что ему мѣсто только посреди безпорядка; что онъ не только не служитъ для сближенія людей и народовъ, но, наоборотъ, царитъ среди гражданскихъ и всемірныхъ войнъ; что онъ одинаково прикрываетъ противоположные интересы; что онъ не—правда, а ложь; что онъ даже не настоящій властелинъ, а послушный холопъ Корысти и Глупости.

Его блестящую карьеру можно объяснить неясностью формулъ, въ которыхъ онъ себя облекаетъ, тѣмъ, что онъ постоянно выдаетъ себя за что-то дру-

гое, за что кто захочетъ; и потому соблазняетъ праведныя души и заставляетъ ихъ работать для себя въ той же армии, гдѣ командуютъ въ концѣ концовъ чаще всего мерзавцы; тѣмъ онъ сдѣлалъ карьеру, что онъ объявляетъ неукоснительно, со всей силой своей логики, общими врагами, врагами народа, всѣхъ тѣхъ, кто подозреваетъ его истинную природу; тѣмъ, что онъ занялъ пустое мѣсто, оставленное Богомъ, въ душахъ, требующихъ какой-нибудь вѣры.

Исторія Принципа въ началѣ очень благородна. Онъ—хорошаго рода. Онъ—истинный, естественный плодъ нашей арийской расы. Это утверждение не значитъ, что эта раса не была способна что-нибудь другое создать, что у нея не было другихъ болѣе жизненныхъ дѣтей. Исторія говоритъ, что, наоборотъ, Принципъ явился послѣднимъ изъ многихъ творческихъ факторовъ. Онъ Веняминъ своей расы и потому, вѣроятно, пользуется такимъ неразумнымъ пристрастіемъ.

Принципъ, однако, основывается именно на Разумѣ. Онъ вытекаетъ изъ какого-нибудь очень разумнаго, въ аргюг'ной сферѣ, разсужденія. На упреки, возникающіе иногда вслѣдствіе крупной неудачи или катастрофы, онъ отговаривается Разумомъ, онъ взваливаетъ все на него. «Теперь, говоритъ онъ, чистый Разумъ руководитъ всѣми движеніями».

Разумъ снискалъ всеобщее уваженіе во времена Реформы и Возрожденія. Но философія Реформы есть компромиссъ между чистымъ разумомъ и мистическо-аскетическимъ міросозерцаніемъ, унаслѣдованнымъ отъ прежнихъ вѣковъ. Реформа не создала настоящаго Принципа, а ея принципы остались покорными служителями Божественной истины.

Возрожденіе, послѣ многихъ разностороннихъ попытокъ, нашло свое философское окончательное выраженіе въ твореніяхъ Декарта и Ф. Бэкона. Тутъ не мѣсто указывать, въ чемъ сходны и несходны умозаключения и, главнымъ образомъ, методы этихъ двухъ великихъ мыслителей. Но приписать въ особенности Декарту первенствующее мѣсто, занятое отвлеченнымъ, аргюг'нымъ Принципомъ, въ ущербъ какъ вымирающему началу авторитета, такъ и правамъ дѣйствительности и жизни, мнѣ кажется вовсе не рискованнымъ. Тутъ-то и торжествуетъ Принципъ, потому что именно съ Декартомъ люди признаютъ Разумъ, чистый Разумъ, породивши Принципъ, единственнымъ критеріемъ истины, единственнымъ мѣриломъ всѣхъ родовъ явленій.

1637 годъ открываетъ эру настоящихъ революцій ¹⁾, съ опубликованіемъ Discours de la Méthode. Революція начинается въ области логики и метафизики.

Представленіе о томъ, будто человѣческая мысль, руководимая логикой, вѣрно и полно отражаетъ дѣйствительность, будто она раскрываетъ, объективно и точно, самые законы бытія и природы, вотъ первый результатъ философіи Декарта.

Великія судьбы этой философіи извѣстны всѣмъ тѣмъ, кто интересовался ею; что въ ней арийская раса должна была найти, хотя бы и временно, наиболѣе удовлетворительное разрѣшеніе самыхъ разнообразныхъ задачъ—понятно всякому, кто читалъ Чемберлена или Гобино.

¹⁾ Я умышленно не буду говорить объ англійской революціи, какъ о фактѣ вовсе не-отвлеченно-принципальномъ, но строго мѣстномъ и чисто практическомъ, и, какъ таковой, не имѣющемъ настоящаго мирового значенія.

Изъ а-приор'ной теории Декарта естественно вытекало новое положение: разъ логическая мысль, провѣренная интуицей, выражаетъ дѣйствительность, то логическое отвлеченное построение *непрѣменно* должно найти отвѣтъ въ дѣйствительности; я не только познаю самостоятельнымъ, разсудочнымъ путемъ жизнь, я требую отъ жизни, чтобы она согласовалась съ моей мыслью; я убѣжденъ, что она подчинится этому требованію; если это становится необходимымъ, я *исправляю дѣйствительность въ пользу моего понятія о дѣйствительности*.

Самъ Декартъ, конечно, этого не сказалъ, но онъ открылъ путь тѣмъ, которые должны были мыслить какъ разъ такимъ образомъ. Съ этой точки зрѣнія отъ Декарта и, въ особенности, отъ настроеній Мальбранша до Гегеля очень недалеко, черезъ Канта. Можетъ быть русскій читатель вспомнитъ тутъ Бѣлинскаго, но и скажетъ, съ улыбкой, что подобныя заблужденія отжили свой вѣкъ. Въ такомъ случаѣ я приведу цитату, сдѣланную докторомъ Г. Ле-Бомомъ въ его интереснѣйшей книгѣ «Первыя послѣдствія войны» (1916 г.). Эта цитата переноситъ насъ въ болѣе близкую область политики и подтверждаетъ, что даже современный ученый мѣръ, проникнутый какъ картезианствомъ, такъ и гегелианствомъ, и непоколебимой вѣрой въ логику, не отказывается, какъ подобаетъ настоящимъ вѣрнымъ, отъ вопіющаго абсурда. Итакъ проф. Вашро писалъ:

«Разъ дано опредѣленіе того, что такое демократія, я изъ него извлекаю всѣ послѣдствія, относи-

тельно общества, государства и правительства... Если моя книга имѣетъ за собою истину, *неважно, что дѣйствительность будетъ протестовать противъ ея принциповъ и выводовъ... Никогда исторія не могла быть приемлемымъ аргументомъ противъ логики!*»

Вотъ, скажутъ, настоящий идеалистъ! Но народы всегда страдали отъ подобнаго идеализма и, *поскольку рѣчь можетъ быть о честныхъ теоретикахъ русской революціи*, мы должны дать себѣ отчетъ въ томъ, какую непосредственную опасность представляютъ эти люди для страны.

А-приор'ная философія, примѣняемая къ политикѣ и общественнымъ наукамъ, выразилась въ принципахъ и отвлеченныхъ теоріяхъ, содержащихъ, якобы, въ себѣ, животворящую силу; она создала вообще славу Принципа. Принципъ одинъ въ правѣ и въ состояніи критиковать, утверждать дѣйствительность, руководить жизнью общества и, наконецъ, преобразовать это общество.

На этомъ представленіи о значеніи Принципа основывалась, въ XVIII вѣкѣ, богатѣйшая литература. Принципъ, теорія, играли преобладающую и опаснѣйшую роль во французской революціи. Принципъ и теорія сокращались, съ цѣлью удобства, въ небольшихъ формулахъ или «лозунгахъ», критика которыхъ представляется необыкновенно поучительной и, до нашего времени, полной неожиданностей.

Морисъ Донзель.

ПИСЬМО СО СТОРОНЫ.

Статья Георгія Чулкова.

Когда Камилла Демулена и Дантона везли на казнь, уличная чернь окружала траурную телѣжку, и добрые санкюлоты, довольные тѣмъ, что торжествуетъ справедливость, свистѣли и вопили «на страхъ врагамъ».

Демуленъ, искренній и страстный, но совсѣмъ потерявшій голову отъ ужаса передъ гильотиной, кричалъ толпѣ: «Народъ, тебя обманываютъ! Тебя обманываютъ! Убиваютъ твоихъ лучшихъ защитниковъ!»

Дантонъ, сохранившій способность владѣть собою, уговаривалъ своего друга: «Успокойся и оставь эту подлую сволочь».

Вотъ уже три мѣсяца всѣ русскіе граждане, повинные въ томъ, что они вкусили запретный плодъ европейской образованности, живутъ подъ страхомъ смертной казни. Правда, наши доморощенные Мараты и Сень-Жюсты пока еще не такъ смѣлы, чтобы поставить на площади Зимняго Дворца висѣлицы или гильотины, и предпочитаютъ, чтобы отвѣтственность за убійства падала на иныхъ «добрыхъ патриотовъ», но отъ этого суть дѣла не мѣняется: наши русскіе Демулены и Дантоны объявлены «врагами народа», и, кажется, даже мой двухлѣтній сынъ, Володя, скоро пойметъ, что это значитъ. Взрослые люди давно ужъ сообразили, въ чемъ дѣло, и оцѣнили смыслъ этого краснорѣчиваго титула.

Очутившись со связанными руками на телѣжкѣ, сколоченной на скорую руку по модели, взятой изъ парижскаго музея Карнавала, русскіе интеллигенты или кричатъ истерически, какъ Демуленъ: «Народъ,

тебя обманываютъ!»—или, сохраняя хладнокровіе, какъ Дантонъ, уговариваютъ своихъ малодушныхъ товарищей не волноваться напрасно и не взывать къ разуму и совѣсти «подлой сволочи».

Мнѣ, по правдѣ сказать, въ равной мѣрѣ неприятно и демуленовская истерика, и хладнокровный цинизмъ Дантона: народъ вовсе не «подлая сволочь», но онъ, конечно, и не такая ужъ невинная жертва, обманутая международными «злодѣями», какъ его хотятъ изобразить прекраснородные россияне.

Мысли эти окончательно опредѣлились у меня вчера, когда я получилъ отъ одного моего друга письмо. Другъ мой—человѣкъ умный, искренній, прямой и всегда казавшійся мнѣ патриотомъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Я никогда не сомнѣвался, да и теперь не сомнѣваюсь, что онъ любитъ Россію. Но вотъ, однако, онъ прислалъ мнѣ во-истину чудовищное посланіе,—цѣлыхъ четыре страницы, мелко исписанныя. Письмо написано по-французски, и онъ, извиняясь, поясняетъ, почему на сей разъ онъ не хочетъ писать по-русски: ему противно теперь слышать русскую рѣчь. «Tous les mots, qui devraient exprimer des sentiments nobles et purs, sont salis par les russes». Это, разумѣется, сильно сказано, но соблазнительная мысль въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ, какъ будто не лишена основанія. Вѣдь, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что такія слова, какъ свобода, равенство, справедливость—слова, несомнѣнно, «nobles et purs»—почти утратили свой смыслъ и облечены толстымъ слоемъ грязи. Новому поколѣнію нелегко будетъ уразумѣть ихъ первоначаль-

ное значение. Я не говорю ужь о такихъ словахъ, какъ народовластіе, учредительное собраніе, гражданственность, независимый судъ—даже эти слова, казалось бы, столь осязательныя, перестали звучать соотвѣтственно своему обычному содержанию и превратились чортъ знаетъ во что. Но, что самое удивительное, неожиданно перевернулись вверхъ ногами такія понятія, какъ «забастовка», «саботажъ» и даже невиннѣйшее слово «союзъ». Бѣдные подростки! Какая у нихъ будетъ каша въ головѣ! И какъ они возненавидятъ весьма почтенныя слова. Вѣдь, у нихъ, бѣдныхъ, всѣ эти прекрасныя слова будутъ ассоциироваться съ такою гнусностью, что убѣдить ихъ въ истинномъ значеніи хотя бы вовсе неплохого слова «социализмъ» едва ли будетъ легко. Зато наши младенцы весьма рано узнаютъ такія словечки, которыя врядъ ли будутъ содѣйствовать ихъ душевной гармонии. Мой крестный Володя знаетъ уже существительное «стрѣльба» и глаголъ «убить», чему, признаюсь, я не слишкомъ радъ.

Но правъ ли все-таки мой другъ, написавшій мнѣ свое отчаянное письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ между прочимъ, что готовится эмигрировать въ Англию, потому что не надѣется примѣнить въ разгромленной и одичавшей Россіи свои научныя знанія и литературныя способности? Правъ ли онъ, когда говорить, что русскій народъ—«lache, traître, mal-honnête, bête et stupide»?

Я полагаю, что онъ вовсе неправъ и что несчастный русскій народъ не хуже, а можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и лучше болѣе счастливыхъ народовъ Западной Европы.

Нельзя судить о народѣ въ буйные дни революціи, какъ нельзя судить о человѣкѣ, когда у него горячка и онъ въ предсмертномъ бреду. Если суждено человѣку побѣдить страшную болѣзнь, мы опять узнаемъ въ немъ его прежнія черты, его лицо, его душу. Русскій народъ подвергся испытанію болѣе страшному, чѣмъ французскій народъ въ эпоху Большой Революціи. Испытаніе, выпавшее на долю русскаго народа, болѣе страшно, потому что идеи и лозунги, нынѣ брошенные въ народную массу, непросвѣщенную и безмѣрно утомленную долгимъ рабствомъ и войною, въ тысячу разъ соблазнительнѣе и двусмысленнѣе, чѣмъ идеи и лозунги, провозглашенныя Французской Революціей.

Воспитанные на идеяхъ Жанъ-Жака, вожди Франціи взывали къ личности, къ праву, утверждали сомоцѣнность свободы,—и все же французскій народъ, опьяненный революціей, устроилъ сентябрьскую бойню и руководимый гебертистами дошелъ до такихъ святотатствъ, кощунствъ и разврата, которые едва ли даже сравнимы съ нравственнымъ паденіемъ народа русскаго, какъ оно ни ужасно, какъ оно ни противорѣчитъ нашимъ представленіямъ о справедливости, совѣсти и чести.

Мы забываемъ, что безоружный умъ народа, этого во истину «ужаснаго ребенка», не можетъ ничего противопоставить провокаціоннымъ идеямъ современныхъ демагоговъ. Ему «открыли глаза» на социальную несправедливость, на «смыслъ» и значеніе «классовой борьбы», на «преступный имперіализмъ буржуазіи»—вѣдь, даже для интеллигентнаго человѣка не такъ ужь легко въ кругъ подобныхъ идей найти линію правильной границы, отдѣляющей истину отъ обмана, правду отъ соблазна. А мы разгнѣваны на

этого ребенка, на несчастный русскій народъ, который съ прямолинейностью мужика и съ наивностью дикаря, принялъ на вѣру, безъ критики, фальшивые лозунги лукавыхъ честолюбцевъ.

Я вовсе не склоненъ къ сантиментальному народничеству и защищаю народъ не по моральнымъ мотивамъ или по мотивамъ, такъ сказать, филантропическимъ. Я защищаю его, какъ самого себя. Я самъ народъ. И подобно тому какъ я самъ, чувствуя свои грѣхи и пороки, готовъ всегда обуздать свою природу суровой аскезой, такъ и народъ, разумѣется, было бы безумно поощрять въ его убійствѣ и лъстить ему въ эти дни ужаса и позора. Малодушное Временное Революционное Правительство отчасти виновато въ томъ нравственномъ развалѣ, который нынѣ такъ явенъ и откровененъ, но этотъ этапъ революціи можно было предвидѣть даже въ первые мартовскіе дни. Народъ, еще не забывшій крѣпостного права, забытый урядниками, неграмотный до сихъ поръ, лишенный самой насущной гражданственности и независимой церковной проповѣди, вдругъ предоставленъ былъ самому себѣ. Но этого мало: явились одержимые и негодяи и предложили ребенку-народу свои услуги, въ качествѣ многоопытныхъ политиковъ.

Подлость есть подлость и позоръ есть позоръ. Я не хочу оправдывать народъ. Я хочу обвинять его, но мнѣ желаннѣе иная *интонація*, не та, какую нашель я во французскомъ письмѣ моего друга. И зная характеръ моего друга, я готовъ отнести его неудачную интонацію на счетъ иностраннаго діалекта, на которомъ трудно, должно быть, выразить русскому человѣку всю глубину нашей національной драмы.

Но другъ мой—отчасти философъ. Онъ понимаетъ, что простонародная масса незримыми нитями связана съ культурными вершинами націи. Онъ не ограничивается обвиненіями, направленными противъ плебса. Онъ, какъ говорится, беретъ быка за рога. Онъ осуждаетъ самую сущность русской культуры. Кто были нашими учителями? Герценъ и Бакунинъ? Но развѣ не пожинаемъ мы плоды ихъ проповѣди, анархической и коммунистической? А Толстой—съ его «непротивленствомъ»? А Чеховъ—съ его жалкими и порочными героями? А Достоевскій, наконецъ? Развѣ его «истерическое» народничество не подготовляло нынѣшней катастрофы?

Что отвѣтить на это моему другу?

Прежде всего уклоняюсь на этихъ листкахъ моего дневника отъ обсужденія вопроса о Достоевскомъ. Этотъ нашъ великанъ—во-истину Христофоръ—изъ ряда вонъ. Тема Достоевскаго слишкомъ сложна, чтобы рѣшать ее попутно. А что касается всѣхъ прочихъ, то, несомнѣнно другъ мой близокъ къ истинѣ, не усматривая въ нихъ той *положительной* силы, которая предопредѣляетъ вѣрный и твердый путь національнаго развитія. Но въ этомъ же письмѣ мой другъ, не потерявъ чувства мѣры и чутья къ правдѣ, самъ указываетъ на три имени, которыя ему кажутся достойными великаго народа: Пушкинъ, Петръ Великій и Владиміръ Соловьевъ.

Но ихъ правда, правда свѣтлѣйшаго и прозорливѣйшаго поэта,—правда верховнаго вождя, преодолевшаго государственныя націонализмы во имя начала всемірнаго,—правда пророка и мудреца, преодолевшаго церковныя націонализмы во имя начала вселенско-христіанскаго: развѣ эта трединая правда

не служить намъ безцѣннымъ залогомъ нашего будущаго духовнаго великодержавія?

Нѣтъ, не случайно умный мой другъ назвалъ эти три имени. А если не случайно, то «стыдно будетъ унывать и предаваться грусти праздной» — тому, кто понимаетъ, что знаменуютъ собою эти три жизни — поэта, вождя, пророка.

Любопытно, что въ письмѣ моего друга есть приписка — такъ, между прочимъ, послѣ поклоновъ женѣ и вопросовъ о здоровьѣ того самаго крошечнаго Володи, который знаетъ существительное «стрѣльба» и глаголъ «убить» — въ этой припискѣ мой другъ сообщаетъ, что онъ немало работалъ за послѣднее время надъ исторіей вопроса о диктатурѣ пролетаріата во время французской революціи. «Sale réponde aussi!» — замѣчаетъ меланхолически мой другъ. Признаюсь, я не могъ не улыбнуться, прочитавъ это попутное восклицаніе. Если оно сознательно, какъ же сочетать его съ серьезнымъ намѣреніемъ эмигрировать? А что если завтра этотъ «sale réponde» наступитъ для Франціи или Великобританіи? Вѣдь, такая возможность не исключена послѣ войны. Въ томъ то и дѣло, что въ революціи есть свои таинственные законы. Ея разви-

тіе по извѣстнымъ путямъ неизбежно. И чѣмъ менѣе подготовлена страна въ культурномъ отношеніи къ демократическимъ формамъ государственности и къ радикальнымъ социальнымъ реформамъ, тѣмъ огромнѣе размахъ бунтарства и тѣмъ безудержнѣе всѣ сопутствующія всякому бунту безчинства.

Но всякая революція кончается реакціей — такова природа общества и души человѣческой. И наша цѣль, цѣль всѣхъ людей, въ исторіи кое-что понимающихъ, предотвратить по крайней мѣрѣ ту форму реакціи, имя которой *рестаурація*.

Негодяи, обманувшіе народъ, готовятъ, повидимому, за кулисами это новое предательство. Недаромъ эти безстыдные признанія о результатахъ переговоровъ въ Брестѣ, сдѣланныя съ такимъ удивительнымъ хладнокровіемъ! Нѣтъ, не эмигрировать намъ надо, а отличать измѣнниковъ.

И пусть траурная телѣжка, подъ свистъ пьяной черни, влачить все новыя и новыя жертвы къ эшафоту, насъ этимъ не устрашишь, и мы свой долгъ исполнимъ до конца: великой и свободной Россіи мы не предадимъ.

17 января 1918 г.

Георгіи Чулковъ.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Статья А. Пойминова.

Въ исторіи великой французской революціи былъ періодъ, когда вся власть въ государствѣ фактически перешла «полномочнымъ органамъ революціонной демократіи», т. е. революціонной парижской коммунѣ, опиравшейся на народныя якобинскія общества и революціонные комитеты общественнаго спасенія. Данъ былъ историческій опытъ диктатуры пролетаріата.

Это была эпоха отъ 20 июня — 10 августа 1792 года по 9 термидора (27 июля) 1794 г., два года революціоннаго террора. Интересно познакомиться, какъ осуществлялась государственная власть при этой диктатурѣ, въ какихъ формахъ выразилась эта диктатура и къ какимъ результатамъ она привела.

На ряду съ «полномочными органами революціонной демократіи» было и законное правительство, — Законодательное Собраніе народныхъ представителей, «Легислатива», а потомъ Национальный Конвентъ. Но это дѣйствительно правомочная власть находилась подъ давленіемъ и господствомъ революціонной демократіи, имѣвшей свой центръ въ революціонной Парижской Городской Думѣ, отъ времени до времени производившей насилие надъ законодательной палатой путемъ вооруженныхъ манифестацій парижской улицы и парижской «красной гвардіи», т. е. революціонныхъ батальоновъ копейщиковъ или пикеровъ, набранныхъ изъ всякаго случайнаго сброда.

Толпѣ усиленно вбивали въ голову ту идею, что конституція безполезна, что одинъ народъ можетъ создавать законъ. Народъ же это граждане Парижа. Рядомъ съ Парижемъ есть Франція, но это ничего не значитъ. Парижъ ближе къ министрамъ, онъ можетъ лучше другихъ оцѣнивать ихъ поведение, онъ стоитъ на стражѣ революціи. Существуютъ установленныя конституціей власти, которая должны бы лучше знать положеніе вещей; но это ошибочно: народъ одинъ не ошибается, его революціонность одна внѣ всякаго сомнѣнія.

Первый опытъ возстанія, не совсѣмъ удачный, произведенъ былъ 20 июня 1792 года.

Якобинцы вели яростную пропаганду противъ короля и противъ конституціоннаго правительства. Предлогомъ для обостренія кризиса послужили два декрета, на которые Людовикъ XVI отказался дать свое согласіе. Онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ воплію въ предѣлахъ конституціи 1791 г., дававшей ему право вето. Декреты же были такого содержанія, что и по существу въ значительной степени оправдывались сопротивленіемъ короля. Одинъ декретъ направленъ былъ противъ священниковъ, не отказавшихся отъ своей вѣры, и осуждалъ

на нищенство, преслѣдованія и ссылку болѣе 70 тысячъ священниковъ и монахинь. Другой декретъ предписывалъ созданіе особаго военнаго лагеря подъ Парижемъ и ставилъ такимъ образомъ короля (да и не только короля) въ зависимость отъ 20 тысячъ солдатъ, специально подобранныхъ якобинскими клубами. Противъ послѣдняго декрета протестовала и парижская милиція, національная гвардія, видя въ этой мѣрѣ намѣреніе якобинской партіи произвести узурпацію.

Якобинская партія рѣшила произвести насильственный переворотъ и для этого прибѣгла къ народному мятежу и организовала возстаніе. Благодарнымъ матеріаломъ служила парижская чернь, грузчики и рабочіе предмѣстій, вслѣдствіе экономическаго кризиса сидѣвшие безъ работы и страдавшие отъ чрезвычайной дороговизны. У всѣхъ у нихъ накопилась злоба въ сердцѣ противъ существующаго порядка вещей. Имъ надо было лишь указать опредѣленный предметъ, куда они могли бы направить свою ярость.

На уличныхъ митингахъ, въ пивныхъ и кафе велась якобинцами усиленная пропаганда. Кадры революціонной арміи рекрутировались по пивнымъ и кабакамъ Парижа изъ лицъ самаго неблаговиднаго поведенія. Нужныя для этого средства давали всякаго рода политическіе авантюристы, искавшие или наживы, какъ нѣкоторые банкиры, или удовлетворенія своему честолюбію, вродѣ герцога Орлеанскаго, знаменитаго Филиппа-Равенства, которому вся его демагогія не спасла въ концѣ концовъ головы.

Вооруженная манифестація 20 июня могла состояться благодаря скрытому содѣйствію парижскаго головы, жирондиста Петіона, отвергнувшаго постановленіе городского совѣта о воспрещеніи вооруженной подачи петицій и преднамѣренно парализовавшаго дѣятельность національной гвардіи. Манифестація состоялась. Вооруженная толпа ворвалась въ залъ засѣданій Легислативы, и Законодательное Собраніе вмѣсто того, чтобы реагировать на это нарушеніе парламентской неприкосновенности, по предложенію жирондиста Верньо приняло петицію. Толпа ворвалась и во дворецъ, гдѣ жилъ король и его семья, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безобразничала тамъ, угрожала королю, заставила его надѣть революціонный красный колпакъ, пить съ ними вино и т. п. Лишь благодаря мужеству и самообладанію короля, онъ избѣгъ смерти. Но королевское достоинство было самымъ позорнымъ образомъ уищено уличною чернью.

Это «выступленіе» вооруженной демократіи, а правильнѣе сказать парижской черни, стремившейся навязать свою волю

законодательному собранию, вызвало сильное возмущение во всей благомыслящей части Франции. Генералъ Лафайетъ, командовавший сѣверной арміей, послалъ законодательному Собранию письмо и самъ явился въ палату съ требованіемъ принятія дѣйствительныхъ мѣръ противъ узурпации якобинской фракціи. Шагъ Лафайета былъ одобренъ въ Собраніи большинствомъ болѣе 100 голосовъ; точно также отовсюду и изъ департаментовъ приходили одобренія ему и протесты противъ посягательства на конституцію. Въ это время возможно было установленіе диктатуры Лафайета; однако несклонность его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, его «конституціонализмъ» и прекраснодушный донъ-кихотскій либерализмъ помѣшали ему спасти въ то время Францію. Въ самой Парижской Городской Думѣ большинство выразило порицаніе мэру Петіону и начальнику полиціи за ихъ бездѣйствіе; учреждена даже была особая слѣдственная комиссія для разслѣдованія событій возстанія 20 Іюня. Но всѣ эти протесты были лишены подлинной энергии. Въмѣсто того, чтобы на нападеніе отвѣтить нападеніемъ и возстановить порядокъ безпощадной и вооруженной рукой, конституціоналисты ограничиваются словами, рѣчами, декларациями и обращениями; тогда какъ въ эпохи анархіи и революціи дѣйствительны только дѣйствія силою.

Послѣ 20 Іюня Жиронда предложила Законодательному Собранию цѣлый планъ, выполненіе котораго и безъ формальнаго измѣненія конституціи отдавала Собранию диктатуру. Это были объявленіе отечества въ опасности и вслѣдствіе этого непрерывность засѣданій всѣхъ учреждений; усиленный наборъ рекрутовъ, посылка особыхъ комиссаровъ въ каждый лагерь; новый законъ противъ неprisягнувшихъ священниковъ. Въ то же время въ клубѣ якобинцевъ все настойчивѣе стали выражать мысль, что существующее законодательное Собраніе не достаточно отражаетъ волю народа, что должно быть создано новое Учредительное Собраніе, Национальный Конвентъ, для измѣненія конституціи въ еще болѣе демократическомъ духѣ. Предлагалось также исключить всѣхъ дворянъ съ военной службы, продать всѣ имѣнія эмигрантовъ и замѣстить всѣ судебныя и административныя должности новыми лицами. Большевицкая демагогія якобинскихъ вождей заключалась главнымъ образомъ въ призывахъ къ легализованному грабежу: господствующимъ классомъ государства должны были сдѣлаться неимущіе слои населенія; имъ должны были быть предоставлены всѣ имущества богатыхъ; всѣ враги «свободы» должны быть сосланы и ихъ имѣнія конфискованы.

Не теряя времени, якобинцы готовились къ новому болѣе дѣйствительному выступленію; жирондисты же, лавируя между «углубленіемъ революціи» и подавленіемъ ея, совершили громадную ошибку, за которую потомъ горько заплатились. Желая принудить короля согласиться на ихъ декреты и передать всю власть имъ въ руки, жирондисты рѣшили не мѣшать новому возстанію якобинцевъ, рассчитывая использовать въ свою пользу плоды этого возстанія. Дѣйствительность жестоко обманула ихъ ожиданія.

Жирондисты вовсе не хотѣли измѣненія конституціи, установленія республики и передачи власти якобинцамъ. Полагая, что они смогутъ въ своихъ цѣляхъ использовать народное движеніе, они предприняли рядъ мѣръ, чтобы уничтожить или дезорганизовать вооруженную силу, имѣвшуюся въ Парижѣ въ рукахъ конституціонныхъ властей, способныхъ подавить возстаніе уличной черни. Они возстановили въ должности парижскаго мэра Петіона; они распустили королевскую гвардію, 15 Іюля они вывели изъ Парижа всѣ регулярныя войска, 16 Іюля они образовали особую пѣшую «революціонную» жандармерию, составленную изъ лицъ «послужившихъ революціи», во всѣхъ городахъ они уволили командный составъ національной гвардіи, какъ «аристократическую корпорацію», въ августѣ они уничтожили особые отборныя части національной гвардіи, въ родѣ гренадеровъ; охрана королевскаго дворца каждый день поручалась новымъ лицамъ, набраннымъ изъ разныхъ батальоновъ, такъ что начальники не знали своихъ солдатъ, ни солдаты своихъ командировъ. Въ то же время жирондисты разрѣшили собраться въ Парижѣ всѣмъ федератамъ, платя имъ жалованье, обезпечивая имъ помѣщеніе и позволяя имъ организоваться въ центральный комитетъ, засѣдавшій въ якобинскомъ клубѣ и тамъ получавшій себѣ указанія.

Истинные патриоты среди волонтеровъ отправляются къ границамъ, для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ; въ столицѣ же остаются только политики и бунтовщики, предпочитающіе гражданскую войну войнѣ съ пѣмцами. Они поступаютъ въ революціонныя батальоны якобинцевъ. Среди нихъ особенно отличаются своимъ революціонно-погромнымъ духомъ пришельцы изъ Бреста и Марсея. Самыми опасными были мар-

сельцы, состоявшие изъ всевозможнаго сброда (много иностранцевъ), тѣхъ бандъ, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ при- выкли къ крови, погромамъ и грабежамъ на югѣ Франціи.

Передавши въ руки якобинцамъ военную силу, жирондисты передали имъ и гражданскую власть. Они объявили засѣданія всѣхъ административныхъ, муниципальных и департаментскихъ учреждений публичными и тѣмъ подчинили ихъ давленію беспорядочной и агитированной толпы; они объявили, что, такъ какъ отечество въ опасности, засѣданія парижскихъ секцій должны быть непрерывными. Этимъ секціи отданы были во власть якобинскаго меньшинства. Люди дѣла и порядка не имѣютъ времени, чтобы день и ночь сидѣть на засѣданіяхъ секцій. Люди мирные и спокойные избѣгаютъ этихъ засѣданій, гдѣ они подвергаются оскорбленіямъ и даже прямымъ нападеніямъ со стороны черни. Якобинскія резолюціи проводятся внезапно, при случайномъ составѣ, часто почти при пустомъ залѣ и дѣлаются выраженіемъ якобы мнѣнія «сувереннаго народа».

Наконецъ, 17 Іюля въ городской ратушѣ учреждается «центральное бюро сношеній между секціями». Оно засѣдаетъ рядомъ съ законной городской думой и скоро начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на настоящее представительство столичнаго населенія. Начинается устраненіе «пролетаріатомъ» членовъ Законодательнаго Собранія. Депутаты, осмѣливающіеся подавать негодные толпѣ вотумы, подвергаются въ самомъ собраніи или при выходѣ, на улицѣ оскорбленіямъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ самая жизнь ихъ находится въ опасности. Въ результатѣ вся правая часть и центръ Легислативы благообразно или воздерживаются отъ посѣщенія засѣданій или возвращаются къ себѣ домой. Изъ 630 членовъ Собранія, присутствовавшихъ на засѣданіи 8 августа, 9 августа остается всего 346, почти исключительно якобинцевъ и жирондистовъ. Собраніе дѣлается послушнымъ орудіемъ въ рукахъ уличной толпы.

Возстаніе пролетаріата было организовано въ ночь съ 9 на 10 августа. Впрочемъ парижскія секціи, отъ которыхъ должно было итти движеніе, не обнаружили особаго энтузіазма къ возстанію. Несмотря на все давленіе якобинцевъ, въ условленный часъ вечеромъ 9 августа изъ 48 секцій только 6 секцій послало своихъ представителей въ городскую ратушу. Большинство оставалось инертнымъ или даже враждебнымъ движенію. Ночью, обманомъ, нахрапомъ, всякими средствами, изъ различныхъ секцій посылаются фиктивные «представители» парижскаго населенія (такъ въ секціи Арсенала 6 присутствующихъ въ собраніи членовъ секціи посылаютъ троихъ; они должны представлять полторы тысячи гражданъ). Къ утру 10 августа такимъ образомъ собираются депутаты отъ половины секцій. Они начинаютъ дѣйствовать, образуютъ центральный комитетъ, объявляющій себя законнымъ представителемъ парижскаго населенія. Онъ захватываетъ власть, во имя народа объявляетъ законный совѣтъ думы отстраненнымъ и изгоняетъ его изъ ратуши. Утромъ имъ призывается въ ратушу командующій національной гвардіей Манда. Его подвергаютъ тамъ аресту и на его мѣсто назначаютъ своего челоука, пивовара Сантерра. Отъ Манда требуютъ, чтобы онъ издалъ приказъ объ удаленіи войскъ, расположенныхъ вокругъ королевскаго дворца. Манда отказывается; при выходѣ изъ ратуши его убиваетъ одинъ изъ клеветовъ Дантона. Смерть Манда много способствовала успѣху возстанія. Национальная гвардія, составленная изъ лицъ, не знающихъ другъ друга, была лишена единства дѣйствія; побудить ихъ на энергичныя дѣйствія могло лишь нравственное вліяніе ихъ вожда. Послѣ того какъ защита порядка была такимъ образомъ дезорганизована, мятежныя батальоны, состояще изъ марсельцевъ и бретонцевъ и всякаго уличнаго сброда, вооруженнаго чѣмъ попало, двинулись по направленію къ Тюильри.

И въ это время король могъ еще защищаться и даже побѣдить. Въ Тюильри находилось около тысячи солдатъ швейцарской гвардіи, и 200 дворянъ, рѣшившихся умереть, защищая короля; вокругъ Тюильри стояло отъ 2 до 3 тысячъ національныхъ гвардейцевъ съ 11 орудіями. Эти организованныя силы легко могли разсѣять беспорядочную толпу, относительно которой Наполеонъ Бонапартъ, бывший въ то время артиллерійскимъ лейтенантомъ и въ качествѣ очевидца наблюдавшій возстаніе, сказалъ тогда же: «Дворецъ былъ атакованъ самой подлой сволочью». Дѣло обороны погубили перѣшительность и вялость тѣхъ, кто долженъ былъ защищаться.

Въ этотъ рѣшительный моментъ начальствующие еще хотятъ избѣжать пролитія крови. Они запрещаютъ національной гвардіи нападать самимъ и рекомендуютъ лишь отражать нападеніе. «Стрѣляйте лишь послѣ того, какъ будутъ стрѣлять въ васъ». Они предлагаютъ королю, во избѣжаніе кровопролитія, оставить дворецъ и отправиться въ Законодательное Собраніе. Въ

течение нескольких минут Людовик XVI колебался. Быть может, он сознавал, что покинуть в этот момент свой пост значило сделать шаг роковой и для монархии, и для всего государства.

Сопровождаемый всей своей семьей и министрами он отправляется в Законодательное Собрание, находившееся в том же Тюильрийском дворце. «Я пришел сюда,—сказал он, входя в зал заседаний,—чтобы не было совершено великое преступление». Действительно, конфликт по видимому должен был разрешиться мирно. Полтора года швейцарцев служило эскортом королю. Охранять дворец осталось всего около 700 швейцарцев; национальная же гвардия, узнавши, что король покинул дворец, разсыпалась.

Однако раз вооруженные толпы выброшены на улицу, избежать кровопролития почти невозможно. В то время, как король находился в Законодательном Собрании, революционная толпа ворвалась в Тюильри и потребовала от швейцарцев сдаться. Швейцарцы не были настроены враждебно, но они не желали подвергаться насилию. «Мы—швейцарцы,—сказал их сержант Блазер,—а швейцарцы покидают оружие лишь вместе со своей жизнью. Мы полагаем, что мы не заслужили подобного оскорбления. Если не хотят больше иметь наш полк, пусть законно его отпускают; но мы не покинем нашего поста и не позволим нас разоружить». Около часа обе стороны оставались спокойно друг против друга. Попытки поколебать швейцарцев были безрезультатны. Вдруг раздались выстрелы, неизвестно с какой стороны. Раздраженные швейцарцы дали залп по вооруженной толпе, очистили дворец и двор и вышли на площадь. Вся вооруженная толпа мятежников, копейщики секций и революционные батальоны, предаются паническому бегству. Начинается случайная перестрелка. Швейцарцы почти не имели потерь. В это время приходит от короля востовой с приказом прекратить огонь и вернуться в свои казармы. Швейцарцы повиновались, оставляют дворец, но королевскому приказу слабают свое оружие, и после того частью подвергаются аресту, частью избиваются толпой. Только тогда, когда сопротивление было устранено, революционные батальоны обнаруживают свой воинственный дух. Тотчас же после ухода швейцарской гвардии, дворец заполняется повстанцами. Добивают раненых, убивают двух докторов, перевязывающих раненых швейцарцев, убивают даже тех, кто не стрелял, вооруженных и безоружных, даже находившихся на кухне, начиная от поваров вплоть до половых мальчиков. Дворец подвергается полному разгрому и поджигается.

Законодательное Собрание, если не прямо вызвавшее, то во всяком случае всеми мерами содействовавшее уличному возмущению, пожало плоды своих трудов. Оно потеряло всякую власть и сделалось жалкой игрушкой в руках уличной черни. Подлинная фактическая власть в государстве перешла к этой черни, организованной в революционной городской думе, «Парижской коммуны», обосновавшейся в ратуше и оттуда осуществлявшей в течение почти двух лет «диктатуру пролетариата».

Августовская революция и утверждение пролетарской диктатуры вовсе не было сделаны страной. Наоборот, в стране уже и в это время чувствовалось сильное разочарование революцией. Одни находили, что они уже достаточно свободны, другие, что свободы даже слишком много, если она выражается в том, что всякий пролетарий может запустить руку в ваш карман. Сами революционеры сознавали это. «Десятого августа, сказал один жирондист, всего три тысячи рабочих сделали во Франции республику». (Так сделанная республика рано или поздно должна была рухнуть). Другой жирондист сознавался, что огромное большинство народа стоит за сохранение прежней конституции, а многие мечтают даже и о старой монархии, и лишь боязнь гильотины заставляет их высказываться на словах республиканские убеждения.

Почему же в конце концов могла возникнуть и особенно существовать подобная диктатура? Главной причиной была полная дезорганизация всех консервативных элементов и слабость элементов умеренных. Народ не хотел возвращения к феодальному строю и боялся полной реставрации. Дальше народ был патриотичнее и желал бороться с внешним врагом, вторгнувшимся в родную страну. Он хотел сильного правительства, которое могло бы энергично и победоносно вести войну. Такое правительство ему обещали дать якобинцы. В момент анархии кто палку возьмет, тот и капрал. Эту палку взяли якобинцы, и на долгое время они действительно сделали капралами.

Положение мог бы спасти еще главнокомандующий северной

армией Лафайет, находившийся со своей армией в полутора днях пути от Парижа.

Однако Лафайет не избрал решительного пути: он не был на столько трусом, чтобы без сопротивления подчиниться государственному перевороту, совершенному парижской чернью, но он не был и настолько энергичным и смелым, чтобы объявить себя диктатором и подавить якобинское возмущение. Он полагал, что он не может оставить лагерь в виду прусского вторжения. Он даже не преступил предельной формальной законности, хотя ему и предстояло столкновение на жизнь и смерть с людьми, присвоившими себе власть. Его озабочивало не выборы полков, с которыми можно было бы разгромить санкюлотов, а вопрос, какой гражданской власти должен он быть после победы изъять покорность. Ибо, ведь, его назначением было защищать конституцию, а конституция предписывала вооруженной силе полную подчиненность законодательной власти. Таким образом он решил положиться на народ, в то самое время, как последний сам страстно желал скорейшего утверждения сильной диктатуры.

Лафайет избрал средний путь. Не двигаясь на Париж, он пытался на место организовать сопротивление пролетарской диктатуре. Однако это было безнадежно. Лафайет был объявлен смещенным с должности командующего армией. На место его назначен был генерал Дюмурье. В армию были посланы новые комиссары. Лафайету только оставалось в бегстве за границу искать спасения своей жизни.

После переворота, под давлением революционной коммуны Законодательное Собрание, словно из мешка, декретами: низложение короля, созыв Национального Конвента, вознаграждение избирателям, увольнение и арест прежних министров, разрешение арестовывать подозрительных лиц всяким «благонамеренным» гражданам, амнистия всем арестованным или наказанным за военное неподчинение и др. проступки, конфискация и продажа с публичного торга имущества эмигрировавших, заключение в тюрьму их семейств, установление развода в двухмесячный срок по требованию одного из супругов, словом всякого рода мёр, могущая потрясти собственность, разложить семью, насилловать совесть, приостановить закон, извратить правосудие, реабилитировать преступление и передать магистратуру, военное командование и выборы всемогущего Учредительного Собрания самодержавию насильственного меньшинства, которое, осмелившись на все для захвата диктатуры, осмелится на все и для того, чтобы ее сохранить.

Что это были за диктаторы, можно судить по двум примерам: генерал парижской национальной гвардии Анрио раньше был слугою у прокурора, прогнавшего его за воровство, потом полицейским шпионом и снова был посажен в тюрьму за воровство, наконец, начальником «революционного батальона» и одним из злодеев сентябрьского погрома. Официальный журналист революционной коммуны и руководитель ее революционной совести, Марат—помешавшийся на убийствах, мономан крови. Для спасения Франции он предлагал средства вроде следующего: «подстеречь в узких улицах и на гуляниях роялистов и фейантов и перерезать им горло. Если на сто человек убитых придется десять патриотов, что за беда? Это всего 10 человек за 90, да к тому же и нельзя ошибиться: нападайте на тех, у кого экипажи, лакеи, шелковая одежда, или кто выходит со спектакля. Вы можете быть вполне уверены, что это аристократы».

Тень так характеризует состав революционной коммуны: «Утвердившись в Городской Думе после ночного мятежа, сотня неизвестных личностей, делегированных якобинской партией и воображающих себя или только выдающих себя за народных депутатов, опрокинула одну из двух властей государства, искалчила и поработила другую, и царствует над столицей в 700 тысяч душ лишь благодаря 8 или 10 тысячам фанатиков и хулиганов».

Эти люди стремятся к абсолютной власти и ее осуществляют. Ежедневно они засовывают свои неукротимые руки в самые сложные части правительственной машины,—в финансы, в армию, в продовольствие, в администрацию и в суд. И постепенно они совершенно разстраивают эту машину и ввергают страну в ужасающее положение, в состояние полной анархии, страшного экономического кризиса, сплошного разорения и голода.

Утверждение пролетарской диктатуры было подтверждено и так сказать зафиксировано сентябрьской резней в парижских тюрьмах. Инициатива резни исходила сверху от якобинских вожаков, но исполнителями этого злодеяния были около двух сотен большею частью наемных и неизвестных убийц и

бродягъ. Эти «сентябристы» состояли отчасти изъ «федератовъ» Марсея (находившихъ, вродѣ нашего петроградскаго гарнизона, что ихъ мѣсто не у границъ государства для защиты страны,—это-де «ложный патриотизмъ»,—а въ столицѣ для «защиты свободы» и «завоеваній революціи»), отчасти изъ представителей парижской черни, изъ чернорабочихъ и подпещиковъ. За 10 франковъ въ день совершаютъ они свое кровавое дѣло.

Подъ предлогомъ, что суды медленно расправляются съ врагами революціи, что, оставаясь въ тюрьмахъ, они представляютъ опасность свободѣ республикѣ, въ течение шести дней (2—7 сентября 1792 года) производится поголовное избіеніе всѣхъ заключенныхъ въ Парижскихъ тюрьмахъ (по самымъ минимальнымъ расчетамъ не менѣе полуторы тысячи человѣкъ). Избиваютъ по категориямъ: швейцарцевъ, священниковъ, офицеровъ. Не разбираютъ, виновны или нѣтъ заключенные. Достаточно, что заключенный—аристократъ, священникъ или прежній чиновникъ. Убиваютъ безъ жалости, часто съ утонченной и извращенной жестокостью. Въ тюрьмѣ Аббатства одинъ изъ убійцъ жалуется, что аристократы умираютъ слишкомъ быстро и что только первые имѣютъ удовольствіе ихъ бить; поэтому начинаютъ убиваемыхъ бить тупымъ концомъ сабли, прогоняя сквозь двойной строй убійцъ. Въ тюрьмѣ Ляфорсъ федераты схватываютъ нѣкоего Рюльера, кланутся, что они отрубятъ голову тому изъ нихъ, кто панесетъ ему смертельный ударъ. Они раздѣваютъ его до-нага, потомъ въ течение получаса, ударяя его тупымъ концомъ сабли, обрубаютъ постепенно его до костей.

Перебивши швейцарцевъ, священниковъ и аристократовъ, опьяненные, но не насыщенные кровью, «сентябристы» принимаются за тюрьмы, гдѣ сидятъ общеуголовные преступники, воры, бродяги, нищіе и проститутки. «Все это негодная тварь, требующія лишь расходовъ на содержаніе». Начинается избіеніе и въ этихъ тюрьмахъ. Въ тюрьмѣ Сальпетриеръ, гдѣ сидѣли женщины легкаго поведенія, избіенія сопровождалось изнасилованіями и садическими оргіями. Убійцы и погромщики не остановились даже передъ тюрьмой Бисетры, гдѣ было заключено около 40 малолѣтнихъ преступниковъ, въ возрастѣ отъ 12 до 17 лѣтъ, содержавшихся тамъ для исправленія по требованію родителей или хозяевъ. Они были тоже перебиты. «Тамъ вотъ, въ томъ углу,—разсказывалъ потомъ тюремщикъ Бисетры посѣтителю,—изъ тѣлъ составили горку. На другой день, когда нужно было ихъ хоронить, это было душо раздирающее зрѣлище. Между ними былъ одинъ мальчикъ; казалось, онъ

спитъ, какъ Божій ангель. Другіе же были страшно изуродованы».

Такъ было утверждено царство пролетариата. Законодательное Собрание и весь Парижъ впадаютъ въ оцѣпенѣніе. Революционная коммуна отнынѣ господитъ положенія. Ея диктатура неоспорима. Въ нѣсколько дней тюрьмы снова наполняются лицами, арестованными по приказу коммуны, секции или просто какого-нибудь якобинца. И эти арестованные въ страхѣ ждутъ участи своихъ предшественниковъ.

Законодательное Собрание позорно отрекается отъ власти. Оно подчиняется революционной коммунѣ. Оно не предписываетъ, а только «приглашаетъ» французскій народъ образовывать Национальный Конвентъ. Оно заявляетъ, что оно «не имѣетъ права устанавливать обязательныхъ правилъ для осуществленія народомъ своего суверенитета». Оно отказывается даже отъ установленія правилъ для выборовъ въ Конвентъ. Суверенный народъ самъ опредѣлитъ эти правила на своихъ первичныхъ собраніяхъ.

Во время выборовъ якобинцы такъ формулируютъ свою программу: «Законовъ болѣе нѣтъ; всякій нынѣ господинъ, такъ какъ народъ самодержавенъ; всякая часть націи можетъ принимать тѣ мѣры, которыя ей кажутся необходимыми для спасенія отечества; можно устанавливать таксу на пшеницу, забирать ее изъ амбаровъ у крестьянъ, рубить головы фермерамъ, отказывающимся вывозить пшеницу на рынокъ. Въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ мы живемъ, общіесть благъ есть право: все принадлежитъ всѣмъ. Необходимо сблизить имущество, произвести уравненіе и уничтожить порочный принципъ преобладанія богатыхъ надъ бѣдными. Народъ, истинный народъ, имѣетъ почти столько же враговъ, сколько есть во Франціи собственниковъ, толстосумовъ-купцовъ, финансистовъ и богачей. Всѣ лица, имѣющие излишки, во время революціи должны почитаться явными или тайными врагами демократическаго правительства».

Выборы, произведенные въ такой обстановкѣ, даютъ Конвентъ. Онъ собирается 20 сентября 1792 года, а 22 онъ провозглашаетъ республику. Считаая это событіе какъ бы начинающимъ новую эру во всемирной исторіи и объявляя войну религіи и христіанству, онъ отмѣняетъ счетъ лѣтъ отъ Рождества Христа и объявляетъ 22 сентября 1792 года первымъ днемъ перваго года!

Онъ ошибся лишь тремя недѣлями. Первымъ днемъ такой эры надо было провозгласить 2-е сентября, когда произведена была рѣзня въ парижскихъ тюрьмахъ.

А. Пойминовъ.

АГРАРНАЯ ФАНТАСТИКА БОЛЬШЕВИКОВЪ.

Статья проф. М. Н. Соболева.

Большевики, вступивъ на престолъ Николая II и воспринявъ въ своемъ управленіи всѣ застѣночно-полицейскіе методы стараго режима, понимали, что они могутъ удержаться у власти только путемъ крайней и безудержной демагогіи. И вотъ съ перваго же дня своего воцаренія они начинаютъ издавать декретъ за декретомъ съ цѣлью разрѣшенія всѣхъ очередныхъ, наиболѣе назрѣвшихъ экономическихъ, политическихъ, социальныхъ вопросовъ. Изученіе этихъ декретовъ представляетъ большой интересъ именно съ точки зрѣнія общественной психологіи—что большевистскіе правители находятъ нужнымъ предложить населенію въ расчетѣ на его удовлетвореніе и какъ они полагаютъ возможнымъ подходить къ рѣшенію государственныхъ и социально-экономическихъ проблемъ.

Остановимся на аграрныхъ декретахъ большевистскаго правительства. Знаменитый декретъ о землѣ 26 октября провозглашаетъ «немедленную отмѣну помѣщицкой собственности на землю безъ всякаго выкупа», при чемъ указываетъ, что помѣщицкіе имѣнія, равно какъ всѣ земли удѣльные, монастырскія и церковныя со всѣмъ ихъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, усадебными постройками и всѣми принадле-

ностями переходятъ въ распоряженіе волостныхъ земельныхъ комитетовъ и уѣздныхъ совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ впредь до Учредительнаго Собранія.

Въ декретѣ совершенно обходится вопросъ, что разумѣть подъ помѣщицкими землями, такъ какъ это понятіе съ отмѣной крѣпостного права исчезло изъ русской жизни и не имѣетъ реального содержанія. Если крестьянинъ имѣетъ тысячу десятинъ, помѣщицкая это земля или нѣтъ? А если онъ имѣетъ 100 десятинъ? И гдѣ та грань, которая отдѣляетъ имѣнія крестьянъ помѣщицкаго и непомѣщицкаго типа? А если лицо свободной профессіи имѣетъ хуторъ въ 10—20 десятинъ, то это помѣщицкіе имѣнія или нѣтъ? Однимъ словомъ, уже самое начало декрета повергаетъ насъ въ пучину такихъ неясностей и неопредѣленностей, которыя грозятъ огромными осложненіями при первой же попыткѣ осуществленія декрета въ жизни.

Впрочемъ, въ 3-емъ параграфѣ на уѣздные совѣты крестьянскихъ депутатовъ возлагается обязанность опредѣлить, до какого размѣра участки и какіе именно подлежатъ конфискаціи. Такимъ образомъ въ каждомъ уѣздѣ предполагается созданіе своего мѣстнаго законодательства, которое установитъ границы кон-

фискуемых помѣщичьихъ имѣній. Но оговорка этого параграфа, умаляя категоричность и абсолютность перваго параграфа, вноситъ только большую путаницу.

Первый параграфъ наказа неожиданно даетъ конфискации чрезвычайно расширенныя рамки: безвозмездно отчуждаются не только помѣщичьи земли, но также общественныя и крестьянскія. Очевидно авторы наказа видѣли передъ собой ту немедленную социализацию земли, о которой наши утописты-соціалисты грезили уже давно въ своихъ кабинетахъ.

Однако перспективы, рисующіяся для крестьянскаго землевладѣнія въ результатѣ примѣненія декрета и наказа, могли бы, пожалуй, отвратить крестьянъ отъ новыхъ властителей. И послѣдніе пытаются нѣсколько ослабить положеніе первыхъ параграфовъ, дѣлая это столь же неискусно и невѣжественно. Въ концѣ декрета говорится, что «земли рядовыхъ крестьянъ и рядовыхъ казаковъ не конфискуются». Что такое рядовые крестьяне, остается точно также не объясненнымъ. Между тѣмъ ясно, что въ нормахъ закона предѣлы дѣйствія закона должны быть очерчены вполнѣ точно и не допускать никакого произвольнаго толкованія. Очевидно, опредѣленіе этого понятія представляется уѣзднымъ совѣтамъ крестьянскихъ депутатовъ, и оно будетъ варьироваться въ каждомъ уѣздѣ въ зависимости отъ состава совѣтовъ: гдѣ въ нихъ будутъ засѣдать по преимуществу «батрацкіе депутаты», тамъ размѣръ землевладѣнія рядовыхъ крестьянъ будетъ установленъ низко (чтобы больше досталось безземельнымъ), гдѣ будутъ преобладать среднеземельные крестьяне, норма будетъ выше (чтобы предохранить ихъ землевладѣніе отъ конфискации). Вообще судьбы такой реформы окажутся въ рукахъ заинтересованныхъ группъ крестьянства, между которыми возникнутъ ожесточенныя распри и борьба.

Второй параграфъ наказа дѣлаетъ еще другое исключеніе изъ начала неограниченной конфискации: усадьбы, сады и огороды оставляются какъ крестьянамъ, такъ и «помѣщикамъ». Такимъ образомъ въ широкомъ планѣ социализации дѣлается замѣтная брешь, которая должна нарушить картину общественной земельной собственности: въ ней будутъ повсюду вкраплены кусочки частныхъ земель.

Такимъ образомъ, по самому основному вопросу о предѣлахъ отчужденія земельной собственности, мы имѣемъ «законъ», который даетъ расплывчатая, неясныя распоряженія и заключаетъ въ себѣ непримиримыя противорѣчія. Уже это одно осуждаетъ его на полный провалъ. Само заинтересованное крестьянство увидитъ въ этомъ актѣ скудоумный экономической мысли недопустимыя посягательства на свои права и рѣшительно будетъ противиться осуществленію такого закона на практикѣ.

Другое безнадежное постановленіе декрета касается передачи всѣхъ конфискуемыхъ имѣній съ постройками и инвентаремъ въ распоряженіе волостныхъ комитетовъ и уѣздныхъ совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ. Надо замѣтить, что изъ множества мѣстъ шли и идутъ жалобы на неудовлетворительный составъ земельныхъ комитетовъ. Даже въ губернскіе и уѣздные комитеты попали случайные, невѣжественные люди, которые ничего не понимаютъ въ экономическихъ вопросахъ, въ аграрной проблемѣ и которые разсматриваютъ свою задачу весьма упрощенно—отобрать какъ можно скорѣе всю землю отъ прежнихъ

частныхъ собственниковъ и раздать ее окрестнымъ крестьянамъ. Нечего и говорить, что такая политика не имѣетъ ничего общаго съ планомѣрной аграрной реформой, ставящей своей цѣлью обезпеченіе земель безземельнаго и малоземельнаго крестьянства. Такіе «дѣятели» внесли много хаоса и безпорядка въ деревенскую среду своими анархическими распоряженіями объ отобрании земли, инвентаря, скота, объ измѣненіяхъ условій аренды и пр. Масса насилій и произвола въ деревнѣ была санкционирована губернскими и уѣздными комитетами. Тѣтъ болѣе отрицательную характеристику слѣдуетъ вывести для состава большей части волостныхъ земельныхъ комитетовъ. Туда попадали зачастую горланы деревни, отбросы и преступные элементы. При отсутствіи сколько-нибудь образованныхъ элементовъ и элементовъ, сознающихъ идею законности и государственности, волостные комитеты сдѣлались арендой самыхъ вопіющихъ правонарушеній, злоупотребленій и произвола. Ясно, что нельзя такимъ учрежденіямъ вручать главную роль по регулированію аграрнаго вопроса до Учредительнаго Собранія. Передача имъ этой роли будетъ сопровождаться только «углубленіемъ» анархии, произвола и безчинствъ въ деревнѣ, при чемъ объектомъ этого углубленія окажутся не только «помѣщики», но и многие крестьяне.

Но вручать власть такимъ мнимо демократическимъ организациямъ теперь въ модѣ. И потому мы имѣемъ особое постановленіе комиссара земледѣлія о волостныхъ земельныхъ комитетахъ, введенное по телеграфу. Читая этотъ примѣчательный документъ, удивляешься какъ смѣлости, такъ и невѣжеству его автора. Не забудемъ, что волостные земельные комитеты образуются при волостномъ земствѣ, томъ земствѣ, которое создано весьма неудачно, съ большими трениями и даже при активномъ сопротивленіи деревенскаго населенія. Не забудемъ, что деревня почти лишена образованныхъ силъ, тѣмъ болѣе лишена людей съ экономическимъ образованіемъ.

При такомъ-то положеніи вещей указанное постановленіе возлагаетъ на волостные земельные комитеты сложную творческую работу не только по сохраненію всѣхъ цѣнностей сельскаго хозяйства, но и по учету сельскохозяйственныхъ силъ и по преобразованію всего сельскохозяйственнаго уклада жизни. На нихъ возлагаются такія обязанности, какихъ не въ состояніи выполнить ни одна власть въ мірѣ—насилъственная перестройка экономической жизни.

Прежде всего на комитеты возлагается изслѣдовательская работа: собраніе данныхъ о количествѣ земли по владѣніямъ, по угодьямъ и пр. (не говоримъ о безграмотности текста, предлагающаго собрать свѣдѣнія «о подраздѣленіи земли на угодья, луга, лѣса, выгоны, пашни и т. д.», какъ будто угодья являются частью какого-то болѣе общаго понятія, которое и дѣлится на угодья, луга, лѣса и пр.). Далѣе они должны учесть лѣсную площадь въ предѣлахъ волости, хотя объ этомъ только что говорилось въ предшествующемъ абзацѣ. Затѣмъ они обязаны опредѣлить размѣры пастбищъ, необходимыхъ для прокорма скота волости, опредѣлить площадь пахотной земли, подлежащей обязательной обработкѣ. Тѣ же комитеты должны готовить земельную реформу на мѣстахъ, опредѣляя размѣры трудовой и продовольственной нормы, устанавливая избытокъ или недостатокъ земельного фонда для удовлетворенія нуждъ

мѣстнаго населенія, опредѣляя порядокъ землепользования?—для малоземельныхъ, безземельныхъ приписныхъ и пр., опредѣляя размѣры земельной площади, которая должна быть оставлена за культурными хозяйствами съ передачей ихъ въ управление волостныхъ комитетовъ.

На тѣ же комитеты возлагается всестороннее управление всѣмъ сельскимъ хозяйствомъ земледѣльцевъ каждой волости. Они должны составить, при содѣйствіи казеннаго лѣсничаго, лѣсорубочный планъ. Они получаютъ отъ Особаго Совѣщанія по топливу наряды на заготовку лѣснаго матеріала для военныхъ цѣлей, для желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, городовъ и пр. Они принимаютъ мѣры къ охранѣ находящихся въ ихъ вѣдѣніи лѣсовъ, получаютъ плату за лѣсъ и передаютъ ее государству. На нихъ же лежитъ обязанность опредѣлять права отдѣльныхъ селъ и лицъ на ловлю рыбы и взыскивать арендную плату за эту ловлю. Тѣ же комитеты должны отводить опредѣленные мѣста пастбищъ для отдѣльныхъ селъ и деревень и опредѣлять размѣры и способы вознагражденія за пастбу. Они получаютъ наряды на поставяемое для государственной монополии сѣно и распредѣляютъ ихъ между деревнями и отдѣльными хозяевами. Комитеты отводятъ селамъ и деревнямъ опредѣленные пахотные участки, слѣдятъ за правильной и своевременной ихъ обработкой и обмѣненіемъ, слѣдятъ за правильнымъ (съ чьей точки зрѣнія?) распредѣленіемъ отведенныхъ участковъ между отдѣльными хозяевами, устанавливають арендные цѣны за отведенные участки, устанавливають системы и способы веденія культурныхъ хозяйствъ, бывшихъ до декрета частновладѣльческими, и управляютъ ими, наконецъ, опредѣляютъ цѣны на рабочія руки и слѣдятъ за выполненіемъ условій найма.

Невѣжественные, некомпетентные волостные комитеты оказываются организационнымъ центромъ сельскаго хозяйства всей волости и должны перестроить современное хозяйство крестьянъ въ какую-то смѣсь социализма съ индивидуализмомъ. Съ одной стороны распоряженіе комиссара земледѣлія дѣлаетъ изъ комитетовъ верховныхъ распорядителей всей пахотной, пастбищной, лѣсной площади въ волости, съ другой оно допускаетъ возможность арендныхъ отношеній, наемнаго труда и индивидуальной обработки почвы. Какая невообразимая путаница принциповъ и приемовъ экономической политики, какое соединеніе несоединимаго! И развѣ всѣ эти сложныя задачи, требующія радикальнаго вмѣшательства въ сельскохозяйственныя отношенія деревни, подъ силу волостнымъ комитетамъ? Достаточно перечислить обязанности, возложенныя на комитеты, чтобы сказать, что весь этотъ планъ напередъ обреченъ на полный неуспѣхъ.

А предписаніе большевистскаго министра въ довершеніе всѣхъ перловъ требуетъ отъ земельныхъ волостныхъ комитетовъ «скорѣйшей и окончательной ликвидаціи всѣхъ пережитковъ крѣпостного строя, сохранившихся въ деревнѣ, полного уничтоженія всѣхъ кабальныхъ отношеній, какъ то: испольщины, отработочной системы, натуральной аренды и т. п.» Авторъ этого предписанія не понимаетъ, что если эти остатки, мы сказали бы, не крѣпостного строя, а натурального быта, существуютъ, то въ силу опредѣленныхъ экономическихъ причинъ. Устранить извѣстную форму хозяйственной жизни можно только тогда, когда исчезнутъ причины, вызывающія ее къ существованію.

Натуральная аренда сама по себѣ еще не зло и можетъ вызываться необходимостью въ натуральномъ или преимущественно натуральномъ строѣ. И потому усилія власти должны направляться не на ея уничтоженіе во что бы то ни стало, а на устраненіе той эксплуатаціи, которая можетъ лежать въ основѣ арендныхъ отношеній. Предписывать то, что предписываетъ комиссаръ земледѣлія, значитъ совершенно ничего не понимать въ процессѣ экономической жизни.

Изъ другихъ постановленій народныхъ комиссаровъ въ области аграрнаго вопроса слѣдуетъ отмѣтить постановленіе отъ 30 ноября о томъ, что всѣ изготовленные и изготовляемые внутри страны и ввозимыя изъ-за границы сельскохозяйственныя машины и орудія взяты въ монопольное распоряженіе государства («въ цѣляхъ обезпеченія сельскаго населенія и нуждъ трудящагося населенія»). Однако, пока что, этотъ декретъ ограничился провозглашеніемъ одного принципа государственной монополии. Распредѣленіе этихъ машинъ предполагается осуществить черезъ органы совѣтской власти, земельные комитеты и другія организаци на основаніи особыхъ правилъ, которыя будутъ изданы. Такимъ образомъ къ ряду возвѣщенныхъ государственныхъ монополий, оставшихся только на бумагѣ, прибавилась еще одна. Мы не видимъ никакихъ практическихъ путей для того, чтобы провести ее въ жизнь. Приведенный декретъ простой жестъ большевистскаго правительства.

Что это правительство уже не въ состояніи управлять тѣми слоями населенія, которые его поддерживали до тѣхъ поръ, пока оно имъ потакало и потворствовало, съ отчетливостью явствуетъ изъ двухъ циркуляровъ комиссара земледѣлія Коллегаева отъ 6 декабря. Въ первомъ комиссаръ беретъ подъ свою защиту существующее управленіе государственными лѣсами, какъ «покоящееся на демократическихъ началахъ» и «идущее въ полномъ контактѣ съ представителями народной воли на мѣстахъ». Поэтому народный комиссаръ рѣшительно протестуетъ противъ назначенія контроля надъ дѣятельностью лѣсничества, помимо земельныхъ комитетовъ со стороны другихъ организаций, такъ какъ это «можетъ повести къ нарушенію налаженной работы по охранѣ государственнаго народнаго достоянія, по снабженію населенія топливомъ и лѣсными матеріалами и по будущему принятію въ собственность государства (?) охраны частновладѣльческихъ и другихъ лѣсовъ». Указывая на необходимость для лѣсной культуры специальныхъ техническихъ знаній, комиссаръ настаиваетъ на сохраненіи существующей организаци и на оставленіи на мѣстахъ всѣхъ лѣсныхъ чиновъ. Въ другомъ циркулярѣ комиссаръ Коллегаевъ запрещаетъ всякую рубку казеннаго лѣса и вывозъ изъ него матеріаловъ безъ разрѣшенія лѣсничаго и запрещаетъ комиссарамъ, назначаемымъ совѣтами лѣсничества, предписывать лѣсничимъ какія-либо дѣйствія.

Устами Коллегаева заговорила сама истина. Не мѣшало бы совѣту народныхъ комиссаровъ распространить эти принципы на всѣ отрасли ихъ управленія и вспомнить о томъ, что «всякое дѣло мастера боится» и что «бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ».

Такова печальная и безнадежная картина законодательнаго творчества нынѣшнихъ самодержцевъ въ области аграрныхъ отношеній.

Проф. М. Н. Соболевъ.

НА ДОНУ.

НАКАНУНЪ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

III.

20-го ноября открываются первыя враждебныя дѣйствія. По распоряженію военно-революціоннаго комитета рабочіе разбираютъ рельсы желѣзнодорожныхъ путей изъ Ростова на Новочеркасскъ для того, чтобы воспрепятствовать движенію петроградскаго поѣзда съ 48-ю вагонами, нагруженными автомобилями, инструментами и разными техническими частями. Къ Ростову и Нахичевани стягиваются войска.

Но войсковое правительство пытается найти компромиссъ и тѣмъ предотвратить гражданскую войну. Ген. Потоцкіи посылаетъ въ военно-революціонный комитетъ делегата—войскового старшину и запрашиваетъ объ условіяхъ примиренія. Военно-революціонный комитетъ такими условіями назначаетъ отмену военнаго положенія въ Ростовскомъ округѣ и прекращеніе движенія казачьихъ эшелонѣвъ на Ростовъ. Ген. Потоцкій соглашается выполнить эти условія, но въ свою очередь требуетъ разоруженія красногвардейцевъ. Черезъ день выясняется, что условія военно-революціоннаго комитета осложнились новыми пунктами: снятіе военнаго положенія распространялось уже не на одинъ Ростовскій округъ, а на всю Донскую область; среди другихъ условій значилось возвращеніе оружія разоруженнымъ полкамъ Новочеркаска, признаніе войсковымъ правительствомъ вновь возникшаго штаба неказачьихъ областей округа и т. д.

Въ то же самое время мирныя попытки дѣлаются и съ другихъ сторонъ.

22-го ноября въ Таганрогѣ на засѣданіи совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ при участіи представителей отъ казачьихъ частей, прибывшихъ черноморскихъ моряковъ и таганрогскаго командующаго войсками ген. Назарова было постановлено отправить къ ген. Каледину особую делегацію для выясненія тѣхъ условій, на которыхъ могло бы состояться примиреніе. 24-го ноября въ засѣданіи войскового правительства произошелъ приемъ этой делегаціи. Въ разговорѣ съ делегатами Калединъ еще разъ подтвердилъ, что при извѣстныхъ условіяхъ онъ согласенъ снятіе военное положеніе: этими условіями должно быть разоруженіе красной гвардіи, отказъ военно-революціоннаго комитета отъ полноты власти, упищотженіе новой организациі управленія пѣхотными частями и удаленіе черноморской флотилии изъ Таганрога. Въ то же самое время Калединъ и другіе члены войскового правительства заявляли свои протесты противъ вооруженнаго вмѣшательства черноморскаго флота во внутреннюю жизнь Донскаго Края.

24-го ноября войсковое правительство обратилось къ населенію области Войска Донскаго съ воззваніемъ, въ которомъ заявляло о принятыхъ имъ исключительныхъ мѣрахъ охраны и приводило причины, побудившія его прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ: «Исключительная цѣль этихъ мѣръ заключается въ поддержаніи порядка и устраненіи какихъ бы то не было вооруженныхъ выступленій въ Донской области» и онѣ «будутъ незамедлительно сняты, лишь только устранится возможность выступленій съ оружіемъ въ рукахъ со стороны частей войска, подчиняющихся военно-революціонному комитету, а также возможнаго нашествія большевистскихъ бандъ».

25-го ноября былъ послѣднимъ днемъ мирныхъ переговоровъ. Въ этотъ день войсковое правительство отправило своего делегата Елатонцева для окончательныхъ переговоровъ съ представителемъ военно-революціоннаго комитета. Но наканунѣ военно-революціонный комитетъ (большинствомъ всего одного голоса: 20 противъ 19) принялъ рѣшеніе о томъ, что онъ уполномочиваетъ своихъ делегатовъ лишь на то, чтобы тѣ выслушали представителей войскового правительства, но не уполномочиваетъ ихъ вести переговоры. Прибывшему на свиданіе делегату войскового правительства пришлось, такимъ образомъ, ограничиться однимъ заявленіемъ о готовности войскового правительства пойти на уступки, чтобы избѣжать кровопролитія. Заявленіе Елатонцева формулировано было въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Войсковое правительство уполномочило меня искать всѣми средствами мѣры къ устраненію гражданской войны. Войсковое правительство готово пойти на уступки и удовлетворить требованія военно-революціоннаго комитета при условіи, что и военно-революціонный комитетъ

со своей стороны пойдетъ на уступки и удовлетворитъ требованія, заявленныя войсковымъ правительствомъ. Если же соглашеніе достигнуто не будетъ, то войсковое правительство передастъ требованія военно-революціоннаго комитета и свою политику на разсмотрѣніе и рѣшеніе Большаго Казачьяго Круга, имѣющаго быть черезъ 5 дней». Но и этому заявленію не суждено было предотвратить военнаго столкновенія. Позднѣе, на засѣданіи большаго войскового круга предсѣдатель Ростовской Городской Думы разоблачилъ поведеніе военно-революціоннаго комитета, заявивъ, что комитетомъ было постановлено «въ соглашеніе не вступать, а предъявить просто ультиматумъ и въ случаѣ отказа въ 24 часа открыть военныя дѣйствія». Такъ военно-революціонный комитетъ уже предопредѣлилъ событія. Но не большевистскіе элементы этого комитета поняли это тотчасъ послѣ упомянутаго голосованія о лишеніи делегаціи комитета полномочій на веденіе переговоровъ съ войсковымъ правительствомъ. Эти 17 с. р. и меньшевиковъ покинули вслѣдъ за этимъ засѣданіемъ и вышли изъ состава комитета. Они опубликовали при этомъ воззваніе, въ которомъ обвиняли и войсковое правительство, и революціонный комитетъ въ непримиримости и желаніи гражданской войны. «Двѣ силы, два лагеря,—гласитъ это воззваніе,—одинаково стремятся вызвать эту бойню, ставятъ между собой казаковъ, и солдатъ и рабочихъ. Честолюбцы и авантюристы изъ обоихъ лагерей стремясь вооруженной рукой захватить власть на Дону въ свои руки, всѣ свои усилія направляютъ къ тому, чтобы столкнутъ между собой казаковъ и другіе слои населенія». Тутъ же перечислялись требованія этихъ недавнихъ союзниковъ большевиковъ, цѣлая программа устроения донскихъ порядковъ: 1) власть въ области должна быть организована всѣмъ населеніемъ области... 2) военное положеніе должно быть немедленно снято, 3) пѣхотнымъ полкамъ или штабу неказачьихъ частей должно быть возвращено оружіе, насильственно отобранное у солдатъ, 4) красная гвардія, сохранивъ за собой право на обученіе военному искусству, должна немедленно сдать свое вооруженіе полковымъ комитатамъ, 5) всѣ части, призванныя въ область для борьбы, должны быть отправлены обратно, тотчасъ же, какъ только будетъ заключенъ миръ, 6) должны быть освобождены всѣ, кто арестованъ въ связи съ борьбой, 7) въ угольномъ районѣ впредь до полнаго вывода казачьихъ частей должны быть расположены въ равномъ числѣ и пѣхотныя части, что дастъ увѣренность, что войска не будутъ служить орудіемъ въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ».

Такъ попытки прийти къ мирному исходу закончились ничѣмъ. Ночью, на 26-го ноября, въ Ростовѣ началась гражданская война.

IV.

Уже въ самомъ разгарѣ войны между Новочеркасскомъ и Ростовомъ донское правительство узнало о томъ, что ему объявлена беспощадная война со стороны совѣта народныхъ комиссаровъ. Мѣстная вспышка на Дону получаетъ всероссийскій характеръ. Ген. Калединъ и войсковое правительство пытаются путемъ переговоровъ съ Петроградомъ остановить надвигающееся на Донъ новое ужасное кровопролитіе. Еще раньше, 26-го ноября, товарищъ войскового атамана Богаевскій обратился къ Крыленкѣ съ слѣдующимъ частнымъ письмомъ:

«Кровавыя событія, сопровождающія владычество Ленина надъ Россіей, не только не прекращаются, но принимаютъ на радость нѣмцамъ новыя громадныя размѣры. Новая народная власть, очевидно, желаетъ завершить свое страшное дѣло русской Вандеи въ видѣ истребленія казачества. Сознательно совершается безумное преступленіе, кѣмъ-то дьявольски задуманное и провоцируемое. Теперь вы хотите утопить въ крови и нашъ до сихъ поръ спокойный край. Волею судьбы и изволеніемъ Ленина и Троцкаго вы нынѣ рѣшаете судьбы мира, Россіи и казачества, и я хочу поговорить съ вами, быть-можетъ, въ послѣдній разъ. Если вы искренно стремитесь къ мирному разрѣшенію казачьихъ дѣлъ, то вы обязаны, пока не поздно откликнуться на мой призывъ и немедленно въ любое время вызвать меня къ прямому проводу. Если же не пожелаете, то пусть новыя потоки крови падаютъ на вашу голову».

Въ то же время въ Петроградѣ съ мирными цѣлями дѣйствуютъ делегация совѣта союза казачьихъ войскъ, вступившая въ переговоры съ Ленинымъ и военно-революционнымъ комитетомъ и настаивая на томъ, чтобы Ленинъ началъ переговоры съ Дономъ по прямому проводу и послалъ бы на Донъ делегацию для освѣдомленія о положеніи дѣлъ.

Но всѣ эти попытки остались тщетными, и до Новочеркасска доходитъ петроградское воззваніе, въ которомъ войсковое правительство и казачество объявляются внѣ закона и народные комиссары грозятъ «смести враговъ народа».

Въ отвѣтъ на это провозглашеніе войны казачеству тов. войскового атамана отправляетъ въ Петроградъ слѣдующую телеграмму: «Петроградъ Владимиру Ленину. Во исполненіе воли войскового правительства обращаюсь къ вамъ съ слѣдующимъ вопросомъ: вы изволили вести переговоры съ нашей казачьей делегацией и согласились на мирное улаженіе кровавыхъ недоразумѣній. Сегодня же нами получено воззваніе совѣта народныхъ комиссаровъ съ ужасными обвиненіями казачества и Украины. Мы не собираемся протестовать противъ такого вѣроломства, ибо это бесполезно для васъ, но мы спрашиваемъ васъ, намѣрены ли вы исполнять свои обѣщанія или предполагаете дѣйствовать такъ же, какъ теперь. Наша делегация пошла къ вамъ съ мирными цѣлями, а вы отвѣтили вызовомъ казачеству и Украинѣ. Не забудьте горькаго отвѣта временнаго правительства, провоцировавшаго бунтъ на Дону. И теперь повторятся то же. Мы не признаемъ вашей власти, но мы, во имя недопущенія пролитія крови, не отказываемся разговаривать съ вами. Желая исчерпать всѣ мѣры, мы и обращаемся съ призывомъ повести мирные переговоры. Это нашъ послѣдній призывъ, послѣ котораго мы оставляемъ за собой полную свободу дѣйствій».

Этотъ послѣдній призывъ остался безъ отвѣта. Ростовское междоусобіе, теперь уже подавленное, получило значеніе лишь перваго боя между Дономъ и большевистскими войсками. Исчерпавъ всѣ средства къ мирному исходу изъ конфликта, правительство войска Донского обратилось ко «всѣмъ русскимъ гражданамъ» съ обширнымъ воззваніемъ.

«На объявленіе войны большевиками всему казачеству и югу Россіи отвѣтъ, достойный вольнаго казачества, дать черезъ нѣсколько дней собирающийся войсковой казачій кругъ. Нынѣ же войсковое правительство войска Донского, соблюдавшее строжайшій нейтралитетъ въ борьбѣ политическихъ партий за государственную власть, считаетъ нужнымъ разъяснить всѣмъ, кто же виновникъ начинающейся на Дону братоубійственной войны, разсѣять злыя навѣты на казачество со стороны натлыхъ клеветниковъ безъ стыда и совѣсти...»—такъ начинается это воззваніе. Войсковое правительство по пунктамъ отвѣчаетъ

на обвиненія, выставленныя казачеству заявленіемъ народныхъ комиссаровъ.

Казачество будто бы мѣшаетъ дѣлу мира. Но «когда и чѣмъ? Тогда ли, когда въ моментъ величайшей разрухи армии и повальнаго дезертирства солдатъ съ полей честно выполняли свой долгъ предъ родиной? Или тогда, когда оно протестовало противъ заключенія подъ покровомъ тайны отъ народа постыднаго, рабскаго мира»... Казачество обвиняютъ въ томъ, что оно черезъ своихъ генераловъ стремится вырвать землю изъ рукъ крестьянъ. «Это не тогда ли, когда на своихъ кругахъ и въ своей политической программѣ казачество постановляло передать земли помѣщичьи и казенныя въ руки трудового крестьянства?» Казачество обвиняютъ въ томъ, что оно будто бы старается вырвать власть изъ рукъ рабочихъ и крестьянскихъ со- вѣтовъ. Но «зачѣмъ казакамъ эта власть, когда они живутъ своей особой жизнью со своимъ особымъ управленіемъ? Спокойно вдумываясь, внимательно терпѣливо ищите и найдите казачество братскихъ формъ общежитія съ неказачьимъ населеніемъ въ своихъ областяхъ. И нѣтъ казачеству надобности разгонять чужіе совѣты и комитеты. Не было такихъ случаевъ»... И далѣе: «Казакамъ ставятъ въ упрекъ, что они не даютъ хлѣба и угля. Но «продовольственные управы казачьихъ областей до нынѣ, несмотря на неурожай и голодъ въ своихъ же казачьихъ округахъ, продолжаютъ посылать на фронтъ послѣднія крохи, добытыя силой и принужденіемъ у своего населенія. Уголь выработываютъ и грузятъ рабочіе, перевозятъ его желѣзныя дороги. Кто виноватъ, что шахты гибнутъ, заливаясь водой, а желѣзныя дороги почти разорились? Во всякомъ случаѣ не казаки...»

«Междоусобная война на югѣ Россіи и въ частности на Дону нужна тѣмъ, кто кровно заинтересованъ въ его разореніи. Вѣдь югъ Россіи это—единственный островъ въ странѣ, уцѣлѣвшій среди общаго развала, еще не потерявшій способности къ сопротивленію. Вѣдь богатый и сильный югъ Россіи, это—будущій промышленный конкурентъ Германіи. Вѣдь югъ организуется въ огромный союзъ народовъ и не признаетъ большевизма. Его надо поэтому разбить... Братская кровь внутри Россіи нужна для того, чтобы продиктовать подъяремный миръ, миръ горше татарскаго ига... Граждане русскіе, любяще отчизну! Поинстинѣ гибнетъ революція и родина. Приглядитесь хорошенько—подъ поднявшеюся маской большевизма видно лицо Вильгельма и прежняго режима.

Судите сами, кто же виновникъ давнишнихъ нападковъ на казачество и нынѣ начинающейся гражданской войны на родныхъ донскихъ степяхъ».

Странникъ.

КАКЪ ВЪ НОВОЙ ЗЕЛАНДІИ ПРАКТИЧЕСКИ БЫЛА ПРОВЕДЕНА НАЦИОНАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ.

Статья проф. В. Тотоміанца.

Есть мѣсто въ Новой Зеландіи, куда направляется непрерывный потокъ паломниковъ, являющихся то министрами земледѣлія другихъ колоній, то экономистами. Это мѣсто—помѣстье Шево, первое помѣстье, которое было «отчуждено» и раздроблено министромъ Макъ-Кензи, проводившимъ национализацию земли въ Новой Зеландіи. Я—разсказываетъ Г. Ллойдъ—провелъ тамъ два дня въ разгаръ новозеландскаго лѣта, когда пшеница только что была ската. Трудно себѣ представить болѣе приятную картину, чѣмъ эти ровныя поля, на которыхъ желтыя скирды стояли, словно огромные золотистые улья, и волнистыя холмы съ ярко-зелеными полосами рѣпныхъ полей. Съ запада тянутся горы Лаури-Пиксъ, съ востока находится Тихій океанъ, гдѣ помѣстье имѣетъ свою собственную гавань, портъ Робинзонъ. Двѣ рѣки окаймляютъ его съ сѣвера и юга, а ручейки пересѣкаютъ по всѣмъ направленіямъ. Въ центрѣ находится городокъ, названный «Макъ-Кензи» въ честь министра земледѣлія. Онъ существуетъ всего пять лѣтъ, но имѣетъ гостиницы, кузницы, лавки, церкви, школы и большіе, и маленькіе дома, выстроившіеся вдоль широкихъ улицъ или разбросанные среди огородныхъ участковъ.

Среди прекраснаго парка стоитъ, занимая господствующее положеніе, усадьба прежняго владѣльца. Она по-прежнему является собственностью его семьи, такъ какъ правительство отчуждая помѣстье, разрѣшило владѣльцамъ приобрести усадьбу и 5.000 акровъ земли. Вокругъ деревни глазъ видятъ

всюду фермы съ уютными жилищами, скотными дворами и хорошо воздѣланными полями.

До 1892 года на этихъ двѣнадцати тысячахъ кв. миляхъ жила всего-навсего одна семья со своими домочадцами, стадами овецъ и пастухами. Одинъ человекъ владѣлъ всей землей отъ горъ до моря и отъ рѣки до рѣки, и на всемъ этомъ пространствѣ находился только одинъ домъ, потому что лачуги пастуховъ едва ли заслуживали названія домовъ. Можно было пройти много миль, не встрѣтивъ ни одного человека, ни одного человѣческаго жилища.

Счастливымъ случай далъ министру Макъ-Кензи возможность наглядно продемонстрировать здѣсь, что значить «болѣе тѣсное заселеніе».

Въ то время какъ онъ боролся въ парламентѣ за свои земельные законы между комиссаромъ налоговъ и наслѣдниками этого помѣстья, владѣлецъ котораго умеръ, возникъ споръ изъ-за оцѣнки имѣнія для обложенія налогомъ. Его 84.000 акровъ, купленныхъ въ 50-хъ годахъ по 5 шиллинговъ за акръ, были оцѣнены въ 1.524.630 долл. *), а наслѣдники соглашались платить налогъ только за 1.301.100 долл. Во всей Новой Зеландіи было мало помѣстій, которыя могли бы сравниться съ Шево. Владѣлецъ сдѣлалъ много дорогостоящихъ и основательныхъ

*) Какъ американецъ, Г. Ллойдъ, извѣстный и русскимъ читателямъ по книжкѣ о коопартнершипѣ, считаетъ на доллары.

улучшений, возвел солидные строения, развел фруктовые сады, насадил сосновый лес, устроил много изгородей, и т. д. Согласно закону о поземельном и подоходном налогах, каким он был тогда, правительство имело право в случае разногласия в оценке отобрать поместье по оценке владельца плюс 10%. Земельный закон, который Мак-Кензи провел через парламент в том же году, ассигновал на покупку имения всего 250.000 долл., а здесь представлялась возможность произвести опыт на земле, стоившей в шесть раз больше и Мак-Кензи с жаром ухватился за эту возможность. Имение было отобрано у наследников по их оценке—к их полному удивлению, так как они сами желали подблизить между собой наследство—министр земледелия принял за работу.

Как только поместье перешло в казну, министерство земледелия тут же сдало все земли на выпас на летние месяцы, чтобы земля не лежала даром, пока производили подготовительные работы по раздроблению поместья. Таким путем казна сразу же вернула себе 3 $\frac{2}{3}$ % суммы, заплаченной за покупку поместья, к великому конфузу тех, кто утверждал, что вся эта затея принесет казне одни убытки. Потом землю нарезали на земледельческие участки размером в 50—100 акров, и на пастбищные участки в 500—3000 акров, а кроме того наметили участки для одного городка и трех деревень.

Тридцать и сая акров были отданы под фермы. По соседству с городком две тысячи акров земли были нарезаны на пригородные участки, сады и огороды. Не забыли ни людей более зажиточных, ни бедняков, заготовив и фермы для земледельцев с некоторым капиталом и участки для ремесленников, рабочих и т. д.

В предвидении будущего оставили свободной землю на всех узловых пунктах, где можно было предполагать необходимость в деревнях в будущем.

Через все поместье провели также железнодорожную линию. Ее провели заранее для того, чтобы не пришлось выкупать землю обратно, когда понадобится проводить железную дорогу.

Открытые земли для поселения приносят, между прочим, ту пользу, что это дает странам дороги. Крупные собственники отказывались проводить дороги. Теперь в поместье Шевью дороги проведены везде, где он нужны. К каждому участку ведет приличная дорога. Кроме того и к гавани провели через скалы дорогу, которая по красоте смела может соперничать с знаменитой дорогой между Сорренто и Амальфи. Все работы по размежеванию и улучшениям, включая гавань, обошлись в 320.000 долларов.

Поместье Шевью было фактически открыто для поселения только в ноябре 1893 года, а шесть месяцев спустя свыше 170 колонистов жили на своих участках, и каждый день число их увеличивалось. Эти колонисты имели при себе 190 слишком детей и 20 человек находилось у них в услужении. Кроме того, десять лавочников и пр. давали работу 40 служащим и 163 человека работали (артельно, как это принято в Новой Зеландии) над проведением дорог и всякими другими необходимыми работами. Одним словом, в шесть месяцев 569 человек получили землю и работу.

Все это были трудолюбивые молодые люди с небольшим капиталом (2.500—3.000 и больше дол.), которые не могли добраться до земли раньше, пока она находилась в руках монополистов. Они не тратили своих денег на дороги постройки, как показывает непретенциозный характер их домов, а берегли их, чтобы вложить в то, что могло принести им немедленный доход.

Деньги, затраченные на улучшение поместья, помогли быстро раздать участки и заселить их подходящими колонистами.

В первый же год более половины рабочих, привлеченных в Шевью для постройки мостов, проведения дорог и т. д. приобрели на свои сбережения участки из числа тех небольших участков, которые были специально предназначены для этого класса людей, построили себе домики и привезли свои семьи. Там, где в прежние дни только бродили овцы, пощипывая траву, теперь можно видеть группы детей, бегущих в школу.

Опыт Новой Зеландии не подтвердил общераспространенного взгляда, что горожане и ремесленники неспособны заниматься земледельческим трудом. Из наиболее удачливых колонистов поместья Шевью многие являются бывшими портными, сапожниками и прочими ремесленниками. Моряки и чернорабочие тоже оказались не плохими фермерами.

Население Шевью, состоявшее в 1892 году из одного семейства и некоторого количества слуг, к 1898 году превы-

сило уже 1000 душ. Фермы разбирались более чем охотно, и к 31 марта 1898 года арендная плата составляла 5 $\frac{1}{2}$ % чистой стоимости земли (равной 1.312.145 дол.). Проценты составляли 44.330 дол. в год, а арендная плата—72.500 дол. Ценность обязательных улучшений, требующихся от арендаторов по закону, составляла 84.160 дол., но в действительности улучшений было сделано на 247.690 дол. Из 236 арендаторов, арендная плата которых составляла 67.575 дол., только 19 запоздали со взносом аренды на сумму 859 дол. 4.019 акров были заняты хлебами; 7.574 акров—корнеплодами и 11,430—луговыми травами. Не было ни одного случая отобрания арендуемого участка или отказа от аренды.

Обходя поместье, Г. Ллойд старался главным образом выяснить, существует ли какое-нибудь недовольство и каковы в таком случае его причины. Со стороны рабочих, поселившихся на маленьких участках слышались кой-какие жалобы: работы у соседних фермеров не так много, как они надеялись, и некоторым из них приходится уезжать за работой на сторону—иногда на шесть месяцев подряд. Более счастливых рабочих Г. Ллойд нашел в Момонь близ Дунедины, где на трехстах акрах живет четырнадцать поселенцев, большей частью сельскохозяйственных рабочих. Они окружены фермерами и у них работы вполне достаточно.

Критикуют администрацию и за то, что все работы по проведению дорог были сделаны исключительно ручным трудом, что потребовало лишнего числа рабочих рук и удорожило работы. Но правительство может сказать в свое оправдание, что дало зато работу некоторым лишним десяткам людей, из которых многие стали постоянными поселенцами, имевшими теперь собственный участок и платящими налоги.

Говорили также, что многие фермеры в Шевью едва сводят концы с концами, оттого что землю нарезали на слишком мелкие участки. Ошибка что нарезали слишком маленькие участки, произошла от естественного желания поселить на земле побольше людей. При следующих раздроблениях участки делались крупнее.

Впрочем, более мудрые фермеры неоднократно выражали мнение, что скорее нужно *не «больше земли»*, а более интенсивное хозяйничанье.

Несмотря на все меры, принятые для предупреждения возможности спекуляции, Г. Ллойд нашел также, что без некоторой спекуляции дело не обошлось все-таки. Но это пустяки по сравнению с тем, что было бы при иных условиях. Министр земледелия не может, разумеется, запретить поселенцам продавать свою аренду другим лицам, да и не захотеть бы отвергать новых арендаторов, если они удовлетворяют всем требуемым условиям.

Но даже самые ярые критики мелких ошибок, допущенных правительством при раздроблении поместья Шевью, соглашаются, что в общем этот опыт надо признать удачным.

В городке люди тоже живут не плохо. Жена кузнеца в ответ на вопросы Г. Ллойда сообщила, что у них три участка земли: в 5 акров, в 10 и в 35. Вдоль дороги к гавани портовые рабочие имеют участки в 30—40 акров с домиками, которые стоят на скалах высотой в 100 футов и глядят на Тихий океан с его живописными берегами. Под защитой берега находятся сады с фруктовыми деревьями, овощами и цветами.

В Шевью сразу видишь, насколько более тесное заселение продуктивнее крупных поместий. Последняя партия шерсти, отправленная из имения еще при покойном владельце, составляла 2,500 тюков. В 1898 году было нагружено в гавани 3.000 тюков, а кроме того 4,000 мешков пшеницы и значительное количество других продуктов. Свыше 25,000 жирных ягнят были отправлены в холодильники, а 20,000 жирных овец экспортировано. При этом не надо забывать, что поместье еще кормило свое население в 1000 слишком душ.

Один чиновник министерства земледелия, опытный оценщик, сказал, что сделал тщательно вычисление продуктивности прежнего Шевью и нынешнего, а также сравнил новое Шевью с некоторыми частными поместьями, еще существующими по соседству и нашел, что при мелком землевладении и хлебопашестве, эта земля стала в четырнадцать раз продуктивнее, чем была при крупном землевладении и пастбищном пользовании.

Первоначально некоторые фермы в Шевью предлагались в продажу с уплатой наличными, но никто не хотел их покупать. Тогда министерство земледелия предложило их накопить в безсрочную аренду, и немедленно желающих взять

ихъ явилось больше, чѣмъ было фермъ. Дѣло въ томъ, что у арендатора его маленькій капиталъ остается въ неприкосновенности, такъ что онъ можетъ употребить его въ хозяйство; ему не надо занимать денегъ на покупку земли и вѣчно бояться, что его прогонятъ съ фермы, если онъ не внесетъ въ срокъ процентовъ по закладной; а если онъ рѣшитъ бросить ферму или не можетъ уплатить аренду, то онъ все же увѣренъ, что ему будетъ возвращена полная стоимость сдѣланныхъ имъ улучшеній. Все это дѣлаетъ аренду болѣе заманчивой, чѣмъ покупку земли въ собственность. Арендаторъ не можетъ занимать денегъ подъ обезпеченіе своего участка ни у частныхъ банковъ, ни у правительства. Не можетъ онъ также занимать деньги у частныхъ заимодавцевъ подъ обезпеченіе своихъ улучшеній; но казна выдаетъ ему ссуды подъ обезпеченіе улучшеній черезъ посредство «департамента выдачи ссудъ поселенцамъ». Она считаетъ добрую волю человѣка и сдѣланныя имъ улучшения достаточной гарантіей, и готова ссужать ему нужные деньги.

Провинція Виктория (въ Австраліи) послала въ 1902 году въ Новую Зеландію комиссію со специальной цѣлью изучить ея аграрныя и рабочія реформы. Вотъ что сообщила эта комиссія о помѣстьѣ Шево въ своемъ официальномъ докладѣ.

«Мы были поражены общимъ видомъ достатка и процвѣтанія... Большинство колонистовъ справляется отлично... За прокатъ молотилокъ они обыкновенно уплачиваютъ немедленно. Просьба обождать до продажи урожая является исключеніемъ... Въ то время какъ раньше земля давала только 16—19 бушелей на акръ, въ нынѣшнемъ году урожаемъ былъ 40—60 бушелей на акръ».

Въ то время какъ министръ Макъ-Кензи доказывалъ въ Шево, чего можно достигнуть «болѣе тѣснымъ заселеніемъ», въ парламентѣ прошелъ наконецъ законъ, разрѣшающій правительству отчуждать помѣстья. И съ 1892 года Макъ-Кензи непрерывно покупаетъ помѣстья и раздробляетъ ихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Шево. Иногда онъ дѣйствуетъ по ходатайству жителей даннаго района, но болѣею частью по собственному почину.

Если жители какого-нибудь района находятъ, что имъ недостаетъ земли, они могутъ обратиться въ министерство земледѣлія съ ходатайствомъ «отчудить» какое-нибудь соседнее помѣстье. Напримѣръ, жители округа Ашбертонъ, нуждаясь въ землѣ и не будучи въ состояніи достать ее себѣ отъ соседнихъ помѣщиковъ, обратились къ министру съ подобнымъ ходатайствомъ въ мартѣ 1895 года.

Почти въ то же самое время (возможно, что это стеченіе обстоятельствъ не было случайнымъ) владѣлецъ одного крупнаго имѣнія въ 10,000 акровъ по соседству съ Ашбертономъ предложилъ его казнѣ. Комиссары земельного комитета осмотрѣли помѣстье, нашли его подходящимъ, и министерство купило его. Имѣніе раздробили на 43 фермы размѣромъ отъ 50 до 639 акровъ и на 39 мелкихъ жилыхъ участковъ въ 1—10 акровъ. Фермы были разобраны чуть не въ первый же день и часть мелкихъ участковъ тоже.

Но вообще въ министерствѣ земледѣлія къ этимъ ходатайствамъ относятся не слишкомъ серьезно. Петицію подпишетъ всякій. Часто зачинщиками такихъ ходатайствъ являются владѣльцы питейныхъ заведеній, желающіе увеличить число посѣтителей своихъ заведеній. Отмѣчено, что подписываютъ петиціи обыкновенно не тѣ лица, которыя берутъ участки. Зачастую петиціи подаются въ связи съ предлагаемыми въ продажу помѣстьями, владѣльцы которыхъ заботятся о томъ, чтобы подъ петиціей было достаточное число подписей.

Владѣльцы крупныхъ помѣстій рады въ большинствѣ случаевъ продать свою землю государству. Это имъ выгодно, чѣмъ раздроблять самимъ, потому что у правительства участки разбираются охотнѣе. Отъ правительства они могутъ получать облигации, приносящія 4½% дохода, а это больше, чѣмъ они могутъ выручать, хозяйничая въ помѣстьѣ сами.

Крупные владѣльцы продаютъ имѣнія потому, что боятся прогрессивнаго налога. Нѣкоторые же изъ нихъ просто находятъ, что имѣть деньги менѣе хлопотно, чѣмъ управлять имѣніемъ.

Одно изъ лучшихъ мѣстъ, которое Г. Ллойдъ посѣтилъ въ Новой Зеландіи, это имѣніе Эльдерели, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Самуру. Значительная часть его куплена правительствомъ для колонизаціи. По дорогѣ туда Г. Ллойдъ и его спутникъ прошли черезъ поселокъ Тенараки, гдѣ живутъ рабочіе и мелкие фермеры. Въ парусиновой лачугѣ жилъ на 10 акрахъ земли бывший бродяга и блаженствовалъ.

«Раньше я получалъ работу, гдѣ придется, и жилъ, какъ придется. Теперь у меня есть лошадь и я зарабатываю хорошо. Аренда высока, но это поле даетъ достаточно, чтобы уплатить ее», сказалъ онъ.

Отъ этой парусиновой лачуги и столь же непретенціозныхъ коттеджей другихъ поселенцевъ они прошли къ красивой помѣщичьей усадьбѣ, стоящей среди роскошнаго парка. Владѣлецъ этого помѣстья купилъ когда-то часть этой земли у Ново-зеландскаго банка, а затѣмъ сталъ округлять свое имѣніе, пока въ его рукахъ не оказалось нѣсколько тысячъ акровъ. У него былъ долгъ въ 350,000 дол., занятыхъ имъ на улучшения. Продавъ правительству 11,000 акровъ по 32 съ половиной долларомъ, онъ выплатилъ долгъ. Себѣ онъ оставилъ еще около 15,000 акровъ.

Продать онъ потому, что трудно хозяйничать на такомъ большомъ пространствѣ земли. Иными словами онъ фактически призналъ, что хозяйство мелкаго земледѣльца стоитъ выше хозяйства крупнаго помѣщика. Не скрывалъ онъ также факта, что одной изъ причинъ, побуждающей продавать, является земельный налогъ—не столько тотъ, который есть, сколько тотъ, какимъ онъ можетъ стать. Сказалъ онъ это съ убѣжденнымъ видомъ человѣка, который на себѣ испыталъ земельный налогъ. Продажа части имѣнія нисколько не удручала его повидимому; въ немъ не чувствовалось никакой горечи.

Мелкій землевладѣлецъ вытѣсняется теперь крупнаго въ Новозеландскомъ сельскомъ хозяйствѣ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ еще уступаетъ крупному. Напримѣръ, шерсть его овецъ хуже, такъ какъ онъ не въ состояніи покупать овецъ хорошей породы. Но путемъ коопераціи ему не трудно будетъ помочь этой бѣдѣ.

Недалеко отъ Эльдерели находится имѣніе Ардгомана въ 2434 акровъ. Правительство принудительно отчудило его за 173,000 дол. и раздробило его на 65 фермъ и участковъ размѣромъ отъ 5 до 364 акровъ, которые оно сдаетъ въ аренду на 999 лѣтъ за плату отъ 1,37 до 4 дол. въ годъ (5% стоимости земли). До сего времени былъ только одинъ случай, чтобы арендаторъ отказался отъ участка, да и здѣсь неудача произошла по чисто финансовымъ причинамъ.

Въ числѣ арендаторовъ есть женщина, бывшая раньше служанкою. Она и ея мужъ имѣютъ 15 акровъ и отлично справляются. Въ Токорахи въ числѣ колонистовъ были писцы, конторщики и т. д. Двое изъ самыхъ удачливыхъ колонистовъ служили раньше въ банкѣ.

Въ Марахенуа одинъ колонистъ, арендовавшій раньше у помѣщика тотъ же самый участокъ, который онъ занимаетъ теперь, сообщилъ, что помѣщикъ съ него требовалъ по 15 шил. за акръ, а казнѣ онъ платитъ всего 10½. Одинъ его соседъ платитъ 7 шил. за акръ той земли, за которую помѣщикъ бралъ 15 шиллинговъ.

«Но почему же правительство сдаетъ землю на столько дешево, чѣмъ частный оладѣлецъ», спросилъ Г. Ллойдъ. «Потому что правительство не гонится за прибылью», былъ отвѣтъ.

Эта колонія была устроена послѣ опыта съ Шево и здѣсь не повторили тамошней ошибки, не нарѣзали слишкомъ мелкихъ участковъ.

Вблизи большихъ городовъ, какъ Кристчерчъ, Литтлтонъ и Веллингтонъ, имѣются пригородные поселки, устроенные правительствомъ специально съ цѣлью дать и городскимъ рабочимъ здоровыя жилища. Вывести рабочихъ изъ скученныхъ городскихъ кварталовъ и дать имъ участокъ въ 1—2 акра, за которые имъ придется платить вдвое меньше, чѣмъ за тѣсную и антигигиеничную городскую квартиру—вотъ планы, дорогіе сердцу премьера Седдона.

Но при осуществленіи этихъ плановъ министерство земледѣлія не имѣло покамѣстъ такого успѣха, какъ при раздробленіи земельныхъ владѣній. Отчасти это происходило отъ дефекта въ законѣ, который разрѣшалъ принудительную покупку вблизи городовъ только владѣній размѣромъ не менѣе 500 акровъ. Но въ послѣднюю сессию парламента этотъ дефектъ былъ исправленъ. Теперь правительство имѣетъ право принудительно отчуждать для устройства рабочихъ поселковъ (въ городахъ съ не менѣе 15,000 жителей и въ предѣлахъ 15-ти верстнаго радиуса вокругъ городской черты) и мелкихъ владѣній размѣромъ до 100 акровъ. Только путемъ принудительной покупки можно что-нибудь сдѣлать здѣсь. Собственники земли по соседству съ городомъ находятъ, очевидно, подъ влияніемъ иныхъ экономическихъ условий, чѣмъ собственники крупныхъ помѣстій вдали отъ городовъ. Безъ принудительнаго выкупа нѣтъ возможности получить ихъ землю по справедливой цѣнѣ.

Кромѣ того устройство рабочихъ поселковъ затруднилось плохимъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, но теперь это изменилось къ лучшему.

Рабочие жалуются также, что требованія, предъявляемыя къ нимъ относительно улучшеній такъ тяжелы, что фактически большинство изъ нихъ не въ состояніи приобрести себѣ участокъ въ этихъ городахъ-садахъ.

Рабочий, взявший один участок, обязан в течение года построить себе дом стоимостью не менее 150 дол.; до истечения двух лет он обязан обнести свой участок забором, а до истечения трех лет по крайней мере на $\frac{1}{4}$ участка должен быть разведен сад или огород. Это требует наличия небольшого капитала.

Но с другой стороны правительство выдает жепатам ссуду в размере до 100 дол., а холостым до 50 долларов.

Широкое определение слова «рабочие» тоже является одной из причин, почему не осуществилось намерение правительства, чтобы эти поселки пошли на пользу преимущественно работникам физического труда. По закону «рабочим» является всякий мужчина и всякая женщина не моложе 21 года, исполняющие за плату физическую или умственную работу и имеющие не больше 750 дол. собственности. В поселках, которые построил Г. Ллойд, в общем опыте с пригородными поселками еще не вышедших из экспериментальной стадии.

Не забыты в Новой Зеландии и туземцы-маори. Специальная парламентская анкета в 1893 году выяснила, что имеется свыше 4200 маори, у которых земли совсем нет или недостаточно. Для удовлетворения их земельной нужды 169,289 акров были отведены для безземельных туземцев.

Особое место в Новозеландской аграрной системе отведено кооперативным селениям. Обыкновенно участки распределяются между кандидатами по жребию, но такая система препятствовала бы приобретению земли кооперативными ассоциациями, члены которых должны, разумеется, жить вместе. Поэтому правительство установило особые правила для «мелких земледельческих ассоциаций». Если двенадцать или больше человек, объединившись для взаимопомощи, обращаются в министерство земледелия с ходатайством дать им землю для поселения, они не участвуют в общей жеребьевке, при которой их участки могли бы оказаться разбросанными в разных местах; им разрешается выбрать целиком большую участок земли размером не больше 11,000 акров при условии, чтобы на каждые 200 акров имела поселенец. Больше 320 акров никто не имеет права держать. Земля сдается в аренду на 999 лет.

Эти кооперативные поселки были, пожалуй, наименее удачными из всех новейших аграрных опытов Новой Зеландии, но вина в неудаче падает не на правительство, а на самих колонистов.

«Искусство совместной жизни» весьма трудное искусство, даже когда только двое пробуют практиковать его, и результаты попыток жить и работать сообща на арендуемых у государства фермах показывают, что еще очень и очень немногие люди готовы для кооперативной жизни. К тому же у этих кооперативных ассоциаций было больше энтузиазма, чем опытности. Они брали себе слишком много земли и не выбрали ее достаточно умело относительно местоположения, качества почвы и т. д. В 1897—98 гг. из 1204 участков, 172 были возвращены, а в следующем году еще 116. В 1900 году в этих кооперативных ассоциациях насчитывалось 812 членов, имеющих 142,666 акров.

Бывает, что правительство устанавливает арендную плату слишком высокой. При нынешней системе переоценка возможна только в том случае, когда арендатор отказывается от своего участка. Тогда через год участок предлагается снова. Если никто не дает за участок больше, чем платил прежний фермер, тогда последний может получить его снова по более низкой цене. В таком случае все зависит как будто бы только от большого или меньшего великодушия соседей, но в действительности редко кто соглашается рискнуть заарендовать участок по той цене, при которой прежний арендатор не мог свести концов с концами. В случае какой-нибудь природной катастрофы закон разрешает освободить арендатора от уплаты аренды в течение одного года, но только тех арендаторов, которые не запаздывали уплатой аренды.

Новозеландская система не создает индивидуалистической мелкой частной собственности на землю, как она существует во Франции, а коллективную собственность народа и государства. В Новой Зеландии государство денежно заинтересовано в арендной плате и потому заинтересовано в благополучии арендатора. Оно волей-неволей должно плакать вместе с ним и радоваться вместе с ним. Оно должно заботиться о его благополучии. Собственный интерес заставляет государство снабжать арендаторов оборотным капиталом по дешевой цене, выписывать опытных инструкторов и т. д. и т. д.

Земельные операции приносят государству доход. К концу 1899 года этот доход должен уже быть составлен около 100,000 дол. Относительно употребления этих денег

существуют различные проекты. Одни предлагают образовать из них «фонд погашения»; другие—затратить их на покупку еще земли, доход с которой в свою очередь будет добавляться к фонду на покупку еще земли и так до бесконечности.

В настоящее время часть доходов, приносимых раздробленными поместьями, тратится на общественные работы на пользу поселенцев, труд которых создал этот доход. Так в Шево, например, в 1898 году 15,000 дол. из доходов были затрачены на дороги и другие улучшения. Возможно также, что в будущем аренда будет понижена, подобно тому, как правительство понизило процент по ссудам поселенцам, когда выяснилось, что эти операции приносят значительный доход.

Г. Ллойд случайно присутствовал при жеребьевке участков, нарезанных из имения Вапкаахи. Это имение находится, как и Шево, между двумя речками, океаном и горами, и состоит из 47,320 акров плодородной земли, дающей при надлежащей обработке до 50—70 бушелей пшеницы и 120 бушелей овса с акра. В продолжение многих лет оно составляло собственность крупного овцевода. Поблизости находятся три железнодорожные станции.

Бывший владлец имения, шотландец родом, явился в Новую Зеландию за 35 лет назад и купил несколько акров земли по 10 долларов. На свои доходы от овцеводства он купил потом еще немного земли и продолжал покупать до тех пор, пока не стал в 35 лет миллионером и собственником великодушного поместья. Он продал его потому, что «все равно, если я не продам, вы отнимете его у меня понемногу», как он сказал одному чиновнику.

Ему заплатили за 47,000 акров 1.600.000 дол. (по 34 дол. за акр). Из этой суммы 1.250.000 дол. он взял краткосрочными облигациями, приносящими $3\frac{1}{4}\%$ в год. Усадьбу, на которую владлец имеет по закону преимущественное право, он оставил за собой. Таким образом государство без труда и выгодно реализует ту часть поместья, которая иначе легко могла бы остаться на его руках мертвым бременем.

Жеребьевка происходила в городке Ваймате. Когда Г. Ллойд приехал, все гостиницы, меблированные комнаты и даже частные квартиры были переполнены людьми, желавшими получить себе участок из поместья. Даже вагоны были превращены в спальни помешения.

Поместье было раздроблено на 140 участков размером от 45 до 1473 акров. Из них 126 предлагались в безсрочную аренду, а 14 как пастбищные участки; претендентов же на землю было 813 человек, подавших 3242 заявления.

Каждый, желающий получить участок, должен был не только заполнить официальный опросный бланк, но и лично предстать перед земельным комитетом, чтобы дать ответ на всякие дальнейшие вопросы, которые комитет сочтет нужным задать ему, дабы выяснить, обладает ли он необходимыми средствами, знаниями и всем прочим, чем должен обладать арендатор. Земельные комитеты вот уже несколько недель заседали в различных местностях Новой Зеландии, экзаменуя претендентов на участки, но значительное число последних еще должно было предстать перед комитетом в Ваймате накануне для жеребьевки.

Правила относительно улучшений и жилья на арендуемом участке весьма строги. Человек, получивший участок, обязан поселиться там до истечения года и должен не менее $2\frac{1}{2}\%$ стоимости земли. В продолжение второго года он должен произвести столько же улучшений, и еще столько же в течение следующих четырех лет. Свои поля он должен огородить до истечения двух лет. Раз в год он обязан обрывать все изгороди на своей земле, и не должен допускать, чтобы она заросла дикими, шиповником и другими вредными растениями. С одного и того же поля он не имеет права снимать больше трех урожаев подряд, при чем одним из посевов должны быть корнеплоды. После третьего посева земля должна оставаться под паром в продолжение не менее трех лет. Если участок больше 20 акров, по крайней мере половина его должна оставаться под постоянным пастбищем. Если арендатор не выполнит одного из этих условий земельный комиссар принимает меры к тому, чтобы работа, была все-таки сделана, а стоимость расходов взимается с арендатора таким же образом, как и аренда.

Многие старомодные люди, привыкшие к безконтрольности частной собственности, негодуют, когда приходит инспектор, чтобы проверить, выполняются ли условия аренды. «Точно ты опять школьником стал», жаловался один арендатор.

Засѣданіе началось. Сначала стали вызывать женщинъ. Первой пришла одна женщина, имѣющая восемь дѣтей. Живя въ услуженіи, она накопила 3000 долларовъ и хотѣла теперь заняться фермерствомъ. вмѣстѣ съ ней пришли ея мать и двѣ сестры. Всѣ онѣ служили раньше скотницами и всѣ подали прошеніе на одинъ и тотъ же участокъ, чтобы увеличить шансы получить его. Это очень часто бываетъ, что всѣ члены семьи подаютъ прошеніе въ надеждѣ, что тогда какая-нибудь изъ нихъ да получитъ участокъ.

Особое вниманіе комитетъ удѣлялъ вопросу, нѣтъ ли у претендента на участокъ другой земли, ибо по закону «предпочтеніе должно отдаваться безземельнымъ». Передъ комитетомъ прошло не мало людей, которые уже имѣли собственную или арендованную землю. Всѣхъ ихъ комитетъ отвергалъ.

Всѣхъ тщательно разспрашивали также, есть ли у нихъ какія-нибудь сбереженія, ибо каждый долженъ имѣть по пяти долларовъ на акръ просимой имъ земли въ видѣ денегъ или

какого-либо эквивалента денегъ (скоть, сельскохозяйственный инвентарь и пр.). Непроданное зерно или причитающееся, но еще не выплаченное жалованье входятъ въ общій счетъ.

На другой день происходила жеребьевка. Для каждой фермы былъ составленъ отдѣльный листъ съ именами претендентовъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ и перенумерованныхъ. Всѣ ждали, затанувъ дыханіе, когда выборный «жребьевщикъ» вытаскивалъ жетонъ съ номеромъ, и радость сияла на лицахъ счастливыхъ, которымъ выпала удачная жребій.

Это происходило въ 1898 году, а въ ноябрѣ 1899 года въ одной новозеландской газетѣ появилась слѣдующая замѣтка:

«За послѣдній годъ въ Ваймате построено домовъ больше, чѣмъ за предыдущіе десять лѣтъ. Мѣстные плотники разрываются на части. Въ Вайкакахи тоже строится много домовъ».

Эта замѣтка является хорошимъ заключеніемъ къ исторіи раздробленія крупныхъ помѣстій.

Проф. В. Тополіанцъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Распускъ Учредительнаго Собранія.—Убііство Ѳ. Ѳ. Кокочкина и А. М. Шингарева.

Русское Учредительное Собраніе, за которое въ теченіе многихъ десятилѣтій боролась русская общественная мысль, за которое гибли въ тюрьмѣ, ссылки, на висѣлицѣ лучшие люди Россіи, просуществовало всего только нѣсколько часовъ и декретомъ большевистской власти распущено. Въ исторіи русской революціи мысль о созывѣ Учредительнаго Собранія, верховнаго органа земли русской, который долженъ былъ по волѣ народа устроить его государственную и общественную жизнь, всегда играла центральную роль. Русская революція имѣла своей задачей сверженіе старой деспотической власти и созывъ для устройства страны и написанія ея конституціи всенароднаго Учредительнаго Собранія. Это была идея революціонеровъ-народниковъ 70-хъ годовъ, террористовъ «Народной Воли», позднѣе та же идея была въ центрѣ движенія 1905 года. Передъ ней трепетало царское правительство и всѣми силами боролось, жертвуя прогрессомъ страны и ея экономическимъ преуспѣяніемъ, держа въ тискахъ и мысль, и свободу гражданъ, оставляя въ безправіи, темнотѣ и невѣжествѣ народныя массы. Когда создавалась Государственная Дума, какъ вынужденная уступка требованіямъ народа, дѣлалось все, чтобы Дума не могла походить на Учредительное Собраніе, чтобы она не могла присвоить себѣ учредительныхъ правъ. Мартовская революція опрокинула старую власть и расчистила путь для Учредительнаго Собранія. Создана новая жизнь. Въ ожиданіи Учредительнаго Собранія временное правительство и общественныя организаціи пошли навстрѣчу нарождавшимся потребностямъ и создавали новыя свободныя формы жизни, проводили реформы центрального и мѣстнаго управленія на широкихъ демократическихъ началахъ, готовили требуемую жизнью измѣненія въ социальныхъ отношеніяхъ. Учредительное Собраніе должно было обо всемъ этомъ сказать свое рѣшающее слово: объ устройствѣ Государства, о землѣ, объ улучшеніи быта рабочихъ, о томъ, продолжать ли войну или искать мира и на какихъ условіяхъ. Кто же могъ всѣ эти вопросы рѣшить окончательно, какъ не выборные всего народа въ лицѣ Учредительнаго Собранія, избраннаго свободно и правильно, на самыхъ широкихъ демократическихъ основаніяхъ всѣмъ населеніемъ? Ни одинъ классъ, ни одна партія въ отдѣль-

ноги не могли этого сдѣлать: ихъ мнѣнія—не голосъ народа.

Такіе органы, какъ «Совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ», не есть органы всенароднаго избранія. Въ нихъ преобладаютъ представители одной партіи, въ нихъ нѣтъ такой правильной системы избранія, которая обезпечивала бы за ними представительство не только всего народа, но даже хотя бы одного класса рабочихъ или крестьянства.

Русское Учредительное Собраніе созывалось при крайне тяжелыхъ условіяхъ. Временное Правительство, которое образовалось послѣ паденія царской власти и которое поставило своей задачей довести страну до Учредительнаго Собранія, было свергнуто партией большевиковъ, которые опирались на солдатъ, матросовъ и отчасти рабочихъ. Захватившіе въ свои руки власть большевики создали совѣтъ народныхъ комиссаровъ, который объявили «Народнымъ правительствомъ». Своему захвату они придали характеръ «соціальной революціи», сверженія «буржуазии» и созданія «диктатуры пролетаріата». Созывавшееся Учредительное Собраніе было объявлено ими терпимымъ лишь постольку, поскольку оно будетъ творить большевистскую волю. Учредительному Собранію ставилось заранѣе опредѣленное заданіе: утвердить большевистскую власть въ лицѣ совѣта народныхъ комиссаровъ и всѣ изданные ими декреты. Превыше Учредительнаго Собранія ставилась воля одного класса. «Парламентаризмъ» былъ объявленъ «буржуазнымъ предрасудкомъ». Всенародному избранію, произведенному съ извѣстными гарантіями правильности, противопоставилась власть совѣтовъ, въ избраніи которыхъ въ лучшемъ случаѣ участвовала лишь нѣкоторая часть населенія и гдѣ нѣтъ и намека на правильные выборы. Учредительное Собраніе созывалось въ атмосферѣ предрѣшеннаго разгона. Нѣкоторые члены Учредительнаго Собранія уже подверглись аресту и сидѣли въ Петропавловской крѣпости.

Учредительное Собраніе открылось въ 4 часа дня 5 января, а 6 января уже было распущено декретомъ большевистской власти. Появившіеся въ печати отчеты объ этомъ первомъ и единственномъ засѣданіи верховнаго Собранія полны гнетущаго чувства стыда и возмущенія. Таврическій дворецъ, превращенный

въ крѣпость съ пушками и пулеметами. Депутаты въ перемѣшку съ красногвардейцами, вооруженными винтовками. Кулуары и хоры для публики, переполненные солдатами и матросами изъ совѣтскихъ рядовъ, настроенными противъ собранія. Гиканье, улюлюканье, свистъ. Курение въ залахъ, шелушеніе сѣмячекъ. Старѣйшій членъ собранія, пытавшійся открыть засѣданіе, былъ встрѣченъ невѣроятнымъ шумомъ, свистомъ, криками «Долой, вонъ!» У него вырванъ звонокъ, какою окружили «большевицкіе молодые люди», все тонуло въ шумѣ и гамѣ. Таково было начало. Затѣмъ послѣдовала декларация большевиковъ о томъ, что Учредительное Собраніе должно признать власть народныхъ комиссаровъ и одобрить всѣ ихъ дѣйствія и распоряженія. С.-р. большинство собранія избираетъ председателемъ В. М. Чернова, который произноситъ рѣчь. Въ ней было все угодное большевицкому и оліміамъ Циммервальду-Кинталю, и созовъ европейской социалистической конференціи, и насажденіе всяческаго социализма въ Россіи, который долженъ перекинуться на всю Европу, и рабочій контроль, и добровольческая армія. Не было лишь признанія власти Ленина, не было подчиненія Учредительнаго Собранія совѣтской власти. Подчиненія не было только формальнаго, такъ какъ по существу с.-р. большинство собранія шло на встрѣчу большевицкой программѣ. И тѣмъ не менѣ шумъ, свистъ, протесты большевиковъ, красногвардейцевъ, матросовъ, сопровождали рѣчь ставленника большинства собранія. Церетелли сдѣлалъ послѣднюю попытку, выступивъ съ призывомъ къ «объединенію всѣхъ силъ демократіи».

«Сегодня въ этомъ собраніи, — сказалъ Церетелли, — рѣшаются судьбы нашей революціи. Я знаю, что глубокія причины вызвали стихійныя, максималистскія стремленія, которыя въ конечномъ итогѣ не приведутъ къ побѣдѣ, а, наоборотъ, къ полному разрушенію. Но сегодня въ этомъ общенародномъ собраніи въ виду тѣхъ соотношеній силъ, которыя еще существуютъ, есть еще возможность усиліями всѣхъ сознательныхъ элементовъ, всѣхъ политическихъ партій, еще не утратившихъ руководства надъ массами, этотъ періодъ русской революціи, грозящій привести Россію къ окончательной гибели и анархіи, завершить тѣмъ способомъ, который объединилъ бы силы всей демократіи». — Опять соглашательство! — кричатъ большевики.

Участь Собранія была уже рѣшена. Большевики выносятъ свой приговоръ и удаляются изъ Собранія, остались послѣднія минуты.

Слѣшно, торопясь, Собраніе приступаетъ къ разсмотрѣнію законопроекта о землѣ, передающаго землю народу, но нетерпѣніе большевиковъ на исходѣ. Вотъ что читаемъ мы далѣе въ отчетахъ:

Черновъ начинаетъ оглашать законопроектъ о землѣ, но во время чтенія къ председательской трибунѣ подходитъ матросъ, который заявляетъ:

— Я получилъ инструкцію довести до вашего свѣдѣнія, что всѣ присутствующіе должны покинуть залу засѣданія, потому что *карауль усталъ*.

— Намъ не нуженъ карауль, — раздаются возгласы въ центрѣ и справа.

— Какую инструкцію? Отъ кого? — недоумѣвающе спрашиваетъ Черновъ.

— Я, — продолжалъ матросъ, — являюсь начальни-

комъ охраны Таврическаго дворца и имѣю инструкцію отъ комиссара.

— Всѣ члены Учредительнаго Собранія, — говоритъ Черновъ, — также очень устали, но никакая усталость не можетъ помѣшать оглашенію того земельного вопроса, котораго ждетъ Россія. Слова председателя покрываются страшными криками и шумомъ матросовъ и солдатъ, столпившихся въ залѣ засѣданія около скамей членовъ Учредительнаго Собранія.

Учредительное Собраніе, — продолжаетъ Черновъ, — можетъ разойтись лишь въ томъ случаѣ, если будетъ употреблена сила (*«Долой Чернова», — раздаются возгласы въ рядахъ солдатъ и матросовъ*).

Матросъ, назвавшійся начальникомъ охраны, снова подходитъ къ председательской трибунѣ и настойчиво обращается къ Чернову со словами: «Я прошу покинуть залу засѣданія».

Члены Учредительнаго Собранія остаются однако на своихъ мѣстахъ.

Матросъ продолжаетъ стоять у председательской кафедры, но потомъ удаляется.

Атмосфера въ залѣ повышенная. Члены Учредительнаго Собранія находятся въ полномъ убѣжденіи, что черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ примѣняютъ силу.

Учредительное Собраніе успѣваетъ еще принять резолюцію о мирѣ и провозгласить Россію федеративной республикой. Въ 4 часа 45 мин. утра засѣданіе закрывается, а 6 января члены Учредительнаго Собранія уже не были допущены въ Таврическій дворецъ.

Такъ окончилъ свое бытіе русское Учредительное Собраніе. Оно состояло — какъ сказалъ Церетелли — изъ людей, готовыхъ «закрѣпить самыя крайнія демократическія завоеванія» авторитетомъ верховнаго учрежденія, именемъ народа. Большевицкіе лидеры, движимые своими побужденіями, которыя современемъ стануть болѣе ясными, отринули этотъ авторитетъ, они рѣшили длить въ странѣ анархію и гражданскую войну. Слѣпцы, этимъ они открываютъ только двери передъ реставраціей. Россія не имѣетъ силъ выполнить социалистическую программу. Для этого у нея нѣтъ ни психологическихъ, ни матеріальныхъ ресурсовъ. Слѣпя массы разрушаютъ все, что имъ скажутъ люди, руководящиеся догматами революціоннаго социализма, но къ творческой, созидательной работѣ они неспособны перейти. Ихъ вожди безсилы будутъ дать то, что обѣщали, и тогда власть ихъ исчезнетъ. Ихъ захлестнетъ стихія, улица, толпа. А потомъ та же толпа шарахнется къ ногамъ того, въ чьихъ рукахъ будетъ бичъ. Взбунтовавшіеся рабы найдутъ своего господина...

А пока — разрушенія, анархія, терроръ, гражданская война. Аресты, обыски, убійства. Закрытія газетъ, разгонъ собраній, преслѣдованія политическихъ партій. Отобраніе имущества, земель, домовъ, капиталовъ, лишеніе жалованія, пенсій, сбереженій. Разгонъ городскихъ думъ, земскихъ собраній, волостныхъ управъ. Остановка фабрикъ, заводовъ, разрушеніе транспорта. Голодъ, продовольственные бунты, разруха сельскаго хозяйства.

Всѣ, кто видятъ въ этомъ гибель культуры и государственности, кто предостерегаетъ, что неизбѣжнымъ концомъ всего этого будетъ полное крушеніе завоеванной революціи и возвратъ къ деспотизму, кто старается остановить развалъ, предотвратить роковой конецъ, объявлены «контр-революционерами», «вра-

гами народа». На нихъ натравливается слѣпая, невѣжественная масса. Они—«буржуи», «капиталисты», «враги революции и народа». Имъ уготованъ кровавый терроръ.

Въ ночь на 7 января въ Петроградѣ въ Маринской больницѣ бандой красногвардейцевъ и матросовъ, явившихся подъ видомъ смѣны караула, звѣрски убиты члены Учредительнаго Собранія *Θ. Θ. Кокошкинъ* и *А. И. Шингаревъ*. Передъ этимъ 6 января они вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія были переведены въ больницу изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ содержались въ силу ареста ихъ, произведеннаго по постановленію большевистской власти въ концѣ ноября, когда ожидалось открытіе Учредительнаго Собранія. Они были объявлены «контръ-революціонерами» и брошены въ тюрьму. Убіство вызвало общее возмущеніе. Даже руководящіе органы большевиковъ выразили «рѣшительное осужденіе виновникамъ этого преступленія». «Сколь, велики ни были бы преступленія этихъ лицъ передъ народомъ и революціей,—говорится въ резолюціи Петроградскаго совѣта р. и с. депутатовъ,—и сколь ни законно было бы возмущеніе народа противъ вождей контръ-революціи, петроградскій совѣтъ призываетъ всѣхъ рабочихъ и солдатъ присоединиться къ осужденію самосудовъ». Кто же были убитые? Въ чемъ ихъ преступленія передъ народомъ и почему законно возмущеніе народа противъ нихъ? *Θ. Θ. Кокошкинъ* былъ ученый, профессоръ, публицистъ, видный общественный дѣятель, поборникъ народной свободы, врагъ деспотизма и всего стараго режима, и какъ профессоръ и какъ общественный дѣятель подвергался гоненіямъ и преслѣдованіямъ отъ слугъ стараго режима, которые запрещали ему общественную дѣятельность, подвергали тюремному заключенію, и однажды чуть не убили. Демократъ по убѣжденіямъ и по своей дѣятельности, никогда не защищавшій, а наоборотъ всегда горячо боровшійся противъ всякой эксплуатаціи, поработенія, и безправія, кристально чистый, *Θ. Θ. Кокошкинъ* былъ истиннымъ другомъ народа и защитникомъ его правъ. Будучи членомъ 1-й Государственной Думы онъ выступалъ поборникомъ интересовъ народа, будучи въ составѣ Временнаго Правительства, онъ выработалъ самый демократическій избирательный законъ для выборовъ въ Учредительное Собраніе. Все его преступленіе въ томъ, что онъ не

былъ большевикомъ, былъ сильнымъ политическимъ противникомъ нынѣшнихъ захватчиковъ власти, былъ опаснымъ изобличителемъ ихъ невѣжества и обмана, противъ котораго они равнымъ оружіемъ борются были безсильны. Противъ народа у него нѣтъ преступленій. Когда слѣпота пройдетъ, обманъ разсѣется, народъ воздастъ должное. *А. И. Шингаревъ* былъ народный врачъ, лѣчившій больную людъ и жившій въ его кругу, въ глухихъ деревняхъ. Въ народъ онъ пошелъ, чтобы сродниться съ нимъ, чтобы жить съ нимъ общими интересами. Онъ ушелъ къ народу и долго жилъ съ нимъ. И всю жизнь потомъ онъ только служилъ народу, будучи земцемъ, будучи членомъ Государственной Думы, будучи министромъ въ составѣ Временнаго Правительства. Гдѣ бы ни выступалъ *А. И. Шингаревъ*, онъ выступалъ, какъ защитникъ интересовъ народа, какъ глашатай его нуждъ. *Шингаревъ* былъ всегда поборникомъ матеріальныхъ потребностей народа. Онъ указывалъ на экономическую обездоленность народа, на тяжелыя матеріальныя условія его жизни, и боролся за улучшение условій трудовой жизни, за раскрѣпощеніе народа отъ матеріальной зависимости, убогости, нищеты, за переложеніе тяжести налоговъ на состоятельные классы, за надѣленіе крестьянъ землею, за широкую культурную и экономическую помощь крестьянству и трудящемуся люду. Противъ народа у *Шингарева* нѣтъ ни одного ни тайнаго, ни явнаго прегрѣшенія. Онъ былъ его другомъ, для него онъ жилъ, за него онъ умеръ. Но *Шингаревъ* не былъ большевикомъ и въ этомъ его преступленіе. И эта жертва злого дѣла будетъ оцѣнена по заслугамъ, когда ослѣпленіе пройдетъ и настанетъ часъ возмездія.

Пли не «враги народа», а самоотверженные борцы за благо родного народа, принявъ мученическую смерть, подготовленную злостной клеветой. Ихъ жизнь была цѣликомъ посвящена родинѣ, ей они служили и за это пріяли терновый вѣнецъ мученичества. Въ ихъ дѣятельности не было ни злобы, ни клеветы, ни предательства. Они никого не обманывали, за ними не шла слѣпая обманутая толпа. Демагогами они не были. Ихъ девизомъ была правда. Эту правду пойметъ и оцѣнитъ народъ, когда исчезнетъ дурманъ лжи, клеветы и обмана.

Н. Горданскій.

ПАМЯТИ *Θ. Θ.* КОКОШКИНА.

*Несчастный другъ, слуга народный
И Музь поклонникъ благородный!
До времени пугала насъ
Тебя зовущей Смерти близость;
Но звѣрскаго убицы низость
Грозящій упредила часъ...*

*Рѣчь замираетъ на устахъ...
Душа мертвѣетъ, негодуя...
Но слышу, мнится, «Аллилуя»
Въ тебѣ доступныхъ небесахъ,—
И, другъ счастливый, России въ сердце
Вписалась повесть о страстотерпцѣ.*

Вячеславъ Ивановъ.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ. Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.